

На правах рукописи

СИНЕЦКИЙ Сергей Борисович

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА XXI ВЕКА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Челябинск

2012

Работа выполнена на кафедре культурологии и социологии
ФГБОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств»

Официальные оппоненты: **Астафьева Ольга Николаевна,**
доктор философских наук, профессор
Бирженюк Григорий Михайлович,
доктор культурологии, профессор
Мурзина Ирина Яковлевна,
доктор культурологии, профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет культуры
и искусств»

Защита состоится 22 марта 2012 г. в 12.00 на заседании объединенного совета ДМ 210.020.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств» по адресу: 454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, д. 36а, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Автореферат разослан _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

Ю. Б. Тарасова

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется объективно возрастающей ролью культуры как социорегулятивного механизма в условиях усиливающейся нестабильности практически любых социальных институтов и общественной жизни в целом. Социокультурные трансформации рубежа веков актуализировали обращение к тематике управления культурой, регулирования культурных процессов, социального проектирования в сфере культуры и – шире – культурной политики. За последние 20 лет в России выполнен ряд серьезных работ, разворачивающих тему культурной политики в различных методологических проекциях и уровнях (А. С. Балакшин, Г. М. Бирженюк, Л. Е. Востряков, И. И. Горлова, В. С. Жидков, Н. В. Ижикова, А. П. Марков, К. Б. Соколов и др.). К настоящему времени термин «культурная политика» закрепился в профессиональном лексиконе специалистов культуры. Он встречается в нормативных документах, научной и методической литературе, диссертационных исследованиях. Культурная политика, при всем разнообразии ее определений, традиционно рассматривается как высший уровень управленческой деятельности в сфере культуры. От понимания самого смысла данной деятельности зависят как стратегия, так и практика целенаправленных культурных изменений, осуществляемых в ареалах ответственности культурных политиков.

Обращение к обширному кругу научной литературы, в которой тема культурной политики рассматривается в качестве главной, позволило нам сделать следующие выводы:

- традиционные подходы к формированию культурной политики сложились в индустриальную эпоху, когда доминировали линейные процессы развития, что проявилось в представлениях о мире как о принципиально неизменном, статичном, предсказуемом. Между тем, современная действительность, многогранно отраженная в постмодернистском дискурсе, обладает иными, зачастую противоположными характеристиками;

- внимание к научно-техническому прогрессу фокусировалось на его отдельных направлениях: Интернет, кабельное ТВ, симулятивно-имитационные (экранные) технологии, мобильные средства коммуникации – и в той мере, в которой они влияли на традиционные проявления социокультурных характеристик населения (художественные предпочтения, характер обращения к разным культурным формам и жанрам, структура культурного потребления). Однако сегодня научно-технические достижения более нельзя учитывать фрагментарно, ибо открытия в таких областях науки, как биоинженерия, нанотехнологии, микроэлектроника, все более влияют на собственно культурные процессы;

- содержанием культурной политики являлся опыт – прямое или аналоговое заимствование предназначенных к распространению поведенческих и деятельностных практик, шире – культурных образцов, соответствовавших представлениям о должном. Иными словами, будучи предполагаемо обращенной в будущее, культурная политика воспроизводила прошлый опыт, который в новых условиях часто оказывался неприменимым;

- культурная политика, в контексте доминирования глобализационных тенденций, рассматривалась преимущественно в охранительной (когда речь шла о региональной специфике) или экспансионистской (когда речь шла о межрегиональных отношениях) парадигмах. Сегодня же стало очевидным, что актуализируются и иные векторы взаимодействия культур, призванные обеспечить межкультурный компромисс, толерантное сосуществование принципиально разных социо-культурных реальностей;

- феномен будущего как важнейший ориентир культурной политики игнорировался, прогностическое начало не было нормативно вписано в процесс разработки культурной политики, что в итоге приводило к ее векторной и результативной неопределенности.

В изученных нами материалах теоретических исследований и результатах прикладных разработок, отражающих современное состояние культурной политики как России, так и стран Запада, в подавляющем большинстве не учитываются изменения тенденций социокультурного развития. Между тем, многочисленные научно обоснованные прогнозы прямо указывают на вероятность цивилизационных изменений. Данные изменения связаны с инновационной революцией в области высоких технологий (IT-, нано-, био- и др.), обозначаемой термином «сингулярность», и растущей в прогрессии скоростью коммуникаций. При всем многообразии картин будущего, представляемых современными исследователями, явно обращают на себя внимание: ожидаемое уже во второй половине XXI века существенное, по сравнению с современным состоянием, продление физической и интеллектуальной жизни человека, а также вероятностное изменение самой природы человека, вытекающее из возможности его генетического совершенствования и преобразования в биотехническое существо. Кроме того, прогнозируется вступление человечества в период новой и неоднозначной идентичности.

Естественно, любые прогнозы, тем более столь радикальные, вовсе не обязательно сбываются в полном объеме и в обозначенные сроки. Однако это не дает права гуманитарной научной мысли их игнорировать, ибо необратима сама тенденция. Даже несколько отсроченное и неполное воплощение предсказанного приведет не только к изменению всех организационных основ жизни человеческих сообществ, но и сделает неизбежным пересмотр многих философских, религиозных и, в целом, смысложизненных доктрин, на которых базируется современная цивилизация.

Научно-техническая революция, ускорение исторического времени, интенсивный рост населения планеты – совокупность указанных процессов породила тренд, обозначаемый как «цивилизационный переход» (С. П. Капица). Одним из ключевых признаков переходности является понижение эффективности привычных механизмов, организующих жизнь социумов, детрадиционализация общественных отношений. Социокультурный дискомфорт, вызываемый ослаблением регулятивных систем, испытывают многие государства и общества безотносительно к уровню развития, географическому положению, политико-правовому устройству и т. д. Все более тревожным становится тон дискуссий (международных и национальных, политических и научных), на которых обсуждаются вызовы времени. Все чаще приходится слышать о проблемах, ранее казавшихся далекими или умозрительными.

Исходя из вышеизложенного, **проблема** данной работы определяется противоречиями:

- между революционной сущностью ускоряющегося научно-технического прогресса, качественно меняющего социально-культурную реальность и перспективу, а также сами базисные регуляторы общественной жизни, и восприятием научно-технического прогресса как конгломерата технических нововведений, полезных, но обладающих дестабилизационным потенциалом, а потому требующих специальных усилий по адаптации к уже существующим социальным и культурным конструкциям;

- между статичным представлением о носителе культуры и объекте культурной политики – Человеке как биосоциальном существе с изначально закрепленными природой (неизменными) темпоритмами реакций, ограниченными скоростью биохимических процессов мозга коммуникативными возможностями – и предопределенной современной научно-технической революцией его биотехнологической модификацией, неизбежно влекущей радикальные социокультурные изменения;

- между представлением о современном человечестве как о принципиально едином цивилизационном массиве, продолжающем испытывать унифицирующее воздействие глобализации, и латентной пока «неклассической» цивилизационной дифференциацией, требующей учета при формировании культурной политики;

- между теоретически и методически проявленной ретроориентированностью формирования культурной политики, обусловленной ориентацией на «культурные достижения», «апробированные практики», «положительный опыт», предопределяющей ее реактивность, отражательность, нередко казуальность содержательного наполнения, и необходимостью разработки приоритетов культурной политики, позволяющих создавать новые образы будущего и адекватные им социокультурные практики;

- между отсутствием установки на создание реестра эталонных – исторических и современных – социокультурных практик, соответствующих

нравственно-этическим и эколого-экономическим требованиям обеспечения выживания и развития человечества в новых условиях, и необходимостью системного представления об указанных практиках (их типологических аналогах) как проективных (в т. ч. по отношению к современности) и перспективных для общества будущего. В этом смысле можно говорить о недостаточной содержательной обеспеченности культурной политики вне зависимости от ее субъекта;

- между отсутствием теоретического обоснования трансгосударственного (трансрегионального) подхода к формированию и осуществлению сближающей культурной политики и необходимостью демонстрации возможностей культурной политики в достижении толерантности как ключевого условия выживания человечества, стоящего «в шаге» от получения сверхмощных средств самоуничтожения (не только собственно военных, но и техногенных), на порядки превосходящих совокупную мощность всех подобных средств, созданных до XXI века (включая атомные).

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических и методологических оснований культурной политики XXI века и условий ее осуществления с использованием процессного подхода, предполагающего рефлексии традиционалистских представлений о культуре и культурной политике, анализ ключевых трендов и прогнозов социокультурных трансформаций XXI века, контекстуальную корректировку ключевых понятий, теоретическое моделирование состояний социума и технологий его культуросообразного развития.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих взаимосвязанных **задач**:

1. Осуществить анализ формирования смыслового пространства и понятийной выразительности (представленности) концепта «культурная политика» на основе обращения к традиционалистским (классическим) представлениям о культуре и политике.

2. Осуществить системный анализ социокультурных трансформаций, текущих и прогнозируемых в XXI веке, с позиции их влияния на культуру и общество.

3. Выявить ключевую социокультурную проблематику XXI века.

4. Определить методологические основания культурной политики в XXI веке.

5. Разработать приоритеты культурной политики в XXI веке.

6. Выделить и представить социокультурные практики современности, актуальные для XXI века.

7. Разработать основные направления и принципиальную технологию культурной политики в XXI веке.

Объект исследования – культурная политика.

Предмет – теоретико-методологические основания культурной политики в контексте социокультурных трансформаций XXI века.

Степень научной разработанности проблемы

Рассмотрение проблематики концептуализации будущего как специфического объекта внимания культурологии выявляет целую палитру идей и условный универсум подходов, характеризующих базовые феномены исследования: культура, политика, культурная политика, требует обращения к трудам, в основе которых лежит системный философско-культурологический анализ, не предполагающий частнонаучных дифференциаций, фиксирующих внимание на «надстроечных», зачастую ситуативно детерминированных характеристиках данных феноменов.

В отношении культуры данная задача оказалась крайне сложной, ибо практически каждый из авторов, признавая наличие условного единого смыслового ядра культуры, видел в ней нечто свое. Тем не менее использование принципа конгруэнтности и структурно-функциональный подход позволили выделить круг авторов, заложивших фундамент современных воззрений на культуру как единый концепт. Среди них как западные основатели культурной антропологии и философии культуры: М. Вебер, И.-Г. Гердер, А. Кребер, Э. Тайлор, Л. Уайт, так и современные российские ученые, представляющие родственную группу наук – философию культуры, социологию культуры, культурологию: О. Н. Астафьева, П. С. Гуревич, А. Б. Есин, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, А. С. Кармин, Л. Н. Коган, Э. С. Маркарян, А. П. Марков, В. И. Полищук, К. Э. Разлогов, Э. В. Соколов, А. Я. Флиер, В. С. Цукерман.

Несмотря на разнообразие высказываемых перечисленными авторами идей, конгруэнтное сопоставление различных концепций культуры позволило говорить о доминирующем в культурологии представлении о культуре как совокупности норм и ценностей, хотя трактовки основных понятий («норма», «ценность») у них нередко различаются, что не позволяет операционализировать накопленные знания без дополнительных интерпретаций.

Значительный вклад зарубежными и отечественными исследователями внесен в культурологический анализ феномена политики. Основатели политической философии, включая мыслителей античности и средневековья, зачастую являлись основателями или активными деятелями науки о культуре. Среди них классики, положившие начало самой политической философии и теории политики: Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Ш. Монтескье, Дж. Локк. Развитие современной политической науки (как, впрочем, и культурологии) связано с именами таких западных мыслителей, как К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Манхейм, М. Дюверже, М. Оукшот, К. Поппер, Ф. Хайек, М. Фридман, Т. Шаберт. Российские ученые-политологи гораздо меньше интегрированы в культурологическую проблематику. Тем не менее описание феномена политики в качестве проекции культурной политики предполагало обращение к таким отечественным исследователям, как В. А. Ачкасов, В. А. Гуторов,

К. С. Гаджиев, И. М. Ефимов, Ю. Л. Качанов, А. Ю. Мельвиль,
А. С. Панарин, С. В. Патрушев.

Перечисленные авторы в целом определяют политику через категорию «власть». В то же время серьезным ограничением в понимании «политического» является четкая ассоциация политики именно с государственной деятельностью. Лишь в начале XX века М. Вебер серьезно расширил сферу политического («все виды деятельности по самостоятельному *руководству*»), чем определил новое понимание социальной конкуренции (и шире – организации) и ее ролевые позиции. Подобной трактовки сегодня придерживаются и некоторые названные ученые (Ю. Л. Качанов, А. С. Панарин и др.). Практически не представлена идея трансгосударственной объединяющей политики. Идея политического объединения преимущественно выражена в образе государственных союзов и блоков, являясь по сути разделительной, альтернативной, противонаправленной по отношению к иным аналогичным (конкурирующим) субъектам политического пространства.

Обозначенная ранее проблема исследования в своей целостности и системности не поднималась ранее в культурологии и является мало разработанной в отечественных и зарубежных гуманитарных науках в целом. Именно недостаточность осознания самой проблемы научным гуманитарным сообществом имеет следствием отсутствие устойчивого академического дискурса, концептуализирующего будущее как приоритетное направление усилий интеллектуальных агентов человечества, и недостаточность теоретических и проектных разработок, относящихся именно к культурной политике как перспективно-ориентированной миссии по формированию будущего.

Тем не менее следует отметить поступательное увеличение количества работ, объединяемых темой культурной политики, в своей совокупности создающих совершенно необходимую контекстуальную среду, которая как катализатор способствует кристаллизации идей, относящихся к изучаемой предметности. Круг авторов, непосредственно специализирующихся на теме культурной политики и представивших профессиональному сообществу результаты своего научного поиска, вряд ли можно назвать широким. Это отчасти связано с «молодостью» темы, актуализировавшейся в СССР (России) с началом перестройки (середина 80-х гг. XX века). К настоящему времени можно с известной долей условности сформировать типологию соответствующих работ и заключенных в них идей.

Во-первых, четко фиксируется направление, связанное с региональной парадигматикой, изначально задаваемой подавляющим большинством авторов, работающих над темой культурной политики. Критическое количество работ отечественных специалистов однозначно «привязано» к России и ее конкретным регионам, отражает складывающиеся здесь социально-экономические условия, часто концентрирует внимание на отдельных направлениях деятельности, относимых к подведомственности

Министерства культуры РФ. В рамке российского локуса можно весьма условно выделить следующие направления исследований:

- теория и методология культурной политики: А. С. Балакшин, Н. В. Ижикова, Л. Е. Востряков;

- культурная политика в условиях переходного периода и социальных трансформаций: О. Н. Астафьева, В. Е. Белановский, И. И. Горлова, Е. И. Кузьмин, Т. А. Пушкарева;

- культурная политика России в условиях современных вызовов: Т. Г. Богатырева, Э. А. Орлова, К. Э. Разлогов, А. Я. Флиер;

- федеративный и региональный (административно-территориальный и общественно-ведомственный) подходы к культурной политике: Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева, Г. М. Бирженюк, Л. Е. Востряков, С. Э. Зуев, Г. М. Казакова, А. В. Каменец, А. П. Марков, И. Я. Мурзина, Л. Г. Скульмовская;

- культурная политика как фактор становления гражданского общества в России, повышения гражданской активности и самодеятельности населения: А. В. Каменец, Г. В. Оленина.

Условность выделенных направлений вытекает из их взаимопереплетенности в работах приведенных авторов. В то же время доминантность соответствующих смыслов позволяет осуществлять анализ теоретико-методологических подходов к концептуализации культурной политики как объекта культурологического анализа.

Во-вторых, обращают на себя внимание работы экспертной направленности, лаконично и емко отражающие ситуативные проблемы культурной политики разных уровней. Здесь важно отметить таких авторов, как О. Н. Астафьева, В. Авксентьев, Н. Г. Багдасарьян, О. И. Генисаретский, Д. Б. Дондурей, Ю. М. Зендриков, С. Э. Зуев, О. И. Карпухин, В. М. Розин, П. Г. Щедровицкий (данный автор также внес серьезный вклад в разработку методологии культурной политики).

В-третьих, достаточно отчетливо выделяются работы, в которых особое значение придается вопросам реализации культурной политики – разного рода социальным технологиям, разработке концепций, программ, проектов целенаправленного совершенствования культуры (управления культурными процессами). К соответствующей группе авторов можно отнести Г. М. Бирженюка, Т. М. Дридзе, Ю. Д. Красильникова, Т. Г. Киселеву, В. А. Лукова, А. П. Маркова, В. В. Мацкевича, В. Е. Новаторова, Э. А. Орлову, С. С. Соковику, Г. Л. Тульчинского, А. А. Чернышову, И. П. Чухнова, П. Г. Щедровицкого.

Значительный вклад в создание методологии социопроектной деятельности и презентацию ее вариантов внес издательский проект НИИ культуры (сегодня – Российского института культурологии) второй половины 1980-х годов «Социальное проектирование в сфере культуры». Данный проект по сути концептуализировал социопроектное направление

как самостоятельную область освоения в контексте обращения к теме культурной политики.

В-четвертых, представляют интерес работы российских авторов, посвященные зарубежной культурной политике: Е. Барышева (Австралия, Великобритания, Германия), Т. И. Грехова (США), А. В. Дмитриева (Франция), И. Н. Захарченко (Франция), Е. О. Зудова (Испания), Э. А. Иванян (США), В. А. Космач (Германия), П. А. Мошняга (Япония), Г. Ю. Филимонов (США), Т. А. Щукина (Канада), Элден Зафер Мустафа Оглу (Турция). Данное направление анализа интересно тем, что позволяет определить (через анализ культурной активности, культурных приоритетов) характер внешней политики различных государств (интеграция, экспансия, автономизация). Знакомство с работами данных авторов позволяет сделать вывод об использовании культурной политики как одного из инструментов межгосударственной конкуренции, экспансии в культурное пространство стран-объектов влияния.

В-пятых, в научном обороте присутствует значительное количество небольших работ (статей, тезисов), освещающих опыт осуществления культурной политики в различных регионах России и ближнего зарубежья. Работы данного типа интересны как возможностью формирования банка ситуативно детерминированных идей, так и возможностью оценки эффективности применяемых технологий и приемов реализации культурной политики в зависимости от различных факторов (местные традиции, национальная специфика и т. д.).

Несмотря на относительное разнообразие аспектов рассмотрения культурной политики, увеличивающееся количество публикаций на данную тему, заявленная нами проблематика практически не затрагивается авторами. Если обратиться к российскому опыту раскрытия темы, мы обнаружим лишь несколько авторов – Н. Т. Арефьева, И. В. Бестужев-Лада, А. П. Назаретян, И. Д. Тузовский, А. Я. Флиер, – последовательно представляющих и анализирующих социально-культурные прогнозы, удерживающих на контроле тему будущего. Таким образом, мы еще раз можем констатировать, что культурная политика, как на уровне научных разработок, так и на уровне практики, остается, с одной стороны, обращенной к реалиям настоящего, опыту прошлого, а с другой – ограниченной национально-региональной рамкой. И то, и другое делает ее малоэффективной в условиях повышающейся динамики изменений.

Обозначенная проблематика в той или иной степени затрагивается в различном по тематизму и весьма обширном по количеству источников корпусе работ, разноаспектно *концептуализирующих будущее* в общественном сознании. В том числе это работы, характеризующие текущую социокультурную ситуацию, складывающуюся в мире и отдельных областях социальной практики, как непосредственно предшествующую будущему и несущую в себе «знаки будущего». Сюда необходимо отнести работы зарубежных мыслителей, рассматривающих тенденции формирования

современной ситуации в контексте постмодернистской методологии: Ж. Бодрийяра, В. Вельша, Ж. Дерриды, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, П. Козловски, Ю. Кристевой, Ж.-Ф. Лиотара, М. Турнье, Ю. Хабермаса, У. Эко. При всем различии личного творческого пути указанных авторов, объектов их внимания (от эстетики до экономики), они, каждый в своей предметной области, описали тенденции трансформации социокультурной ситуации, создав, по сути, «портрет современности» в разных ракурсах. К указанному же направлению примыкают и работы следующих отечественных ученых: И. Д. Джохадзе, В. М. Диановой, А. Г. Дугина, В. А. Емелина, Г. И. Ермиловой, И. П. Ильина, М. Н. Липовецкого, Л. А. Марковой, Н. Б. Маньковской, Н. И. Рокуновой, Д. А. Силичева, М. Р. Торбург, развивших, критически проанализировавших и интерпретировавших концепции западных предшественников с учетом собственного предмета исследования. Ключевым аспектом работ указанных авторов является прямая или опосредованная констатация кризиса социально-культурности, маркируемого приставками «де» (-конструкция; -центрация; -массификация) и «пост» (-структурализм; -модернизм; -индустриализм).

Еще один разнотематический и многоаспектно концептуализирующий будущее корпус работ выделяется тем, что будущее предстает в качестве объекта философского анализа и феномена, центрирующего смысложизненные установки личности. И здесь выделяется несколько относительно самостоятельных направлений:

1. Труды, в которых будущее предстает как результат этического противостояния жизни и смерти (выбора между жизнью и смертью). Эта тема широко представлена в наследии:

- многих античных мыслителей: Демокрита, Лукреция, Платона, Сократа, Эпикура. Несмотря на фундаментальные различия выражаемых идей, произведения античных мыслителей являются ярким подтверждением актуальности темы «проникновения в будущее», его концептуализации в человеческом сознании;

- классиков западноевропейской философии А. Бергсона, А. Камю, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, Л. Фейербаха, М. Хайдеггера, Э. Шопенгауэра;

- в России – Н. А. Бердяева, Иоанна Дамаскина, А. Н. Радищева, М. М. Щербатова, многих писателей и литературных критиков, стремившихся к философскому осмыслению жизни: Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого и др.

Особое место в ряду работ, посвященных смерти и бессмертию как инвариантам будущего, концептуализирующих возможность победы над фатальностью смерти, занимают труды российских мыслителей: П. И. Бахметьева, В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского. Что касается современников, то наиболее значимыми (по данному направлению) мы считаем работы американских ученых Р. Эттингера,

Э. Купера, Р. Курцвейла, а также наших соотечественников Л. Е. Балашова, И. В. Вишева, А. Б. Демидова, Л. Н. Когана, А. К. Манеева.

2. Труды отечественных и зарубежных ученых по теории и методологии прогнозирования и системному анализу проблем прогнозирования: Н. Т. Арефьевой, И. В. Бестужева-Лады, Н. Винера, Л. Ганна, О. Гелмера, Т. Гордона, Е. С. Григорьева, Т. А. Дубровой, П. С. Завьялова, Е. А. Когай, Г. А. Наместниковой, В. В. Лапкина, А. С. Панарина, В. И. Пантина.

3. Труды отечественных и зарубежных ученых, разноаспектно презентующие вероятные образы будущего: Е. А. Абрамяна, И. В. Бестужева-Лады, В. Винджа, Э. Дрекслера, С. Лема, Э. Тоффлера, А. П. Назаретяна, Дж. Нейсбита, Ф. Фукуямы, З. Бжезинского, В. В. Ильина, С. П. Капицы, Р. Курцвейла, А. С. Панарина. Особо выделим работу Т. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» (1798 г.) как положившую начало не прекращающейся до настоящего времени полемике о перспективах человечества в случае продолжающегося роста населения.

Важно также выделить труды экспертов «Римского клуба», во многом сформировавших корпус идей, лежащих в основе представлений о будущем человечества.

4. Конкретные прогнозы, выполненные:

- специализированными научными организациями по заказу правительств своих стран;

- отдельными учеными от своего имени;

- общественными организациями футуристической направленности.

Сюда же можно отнести профильные материалы, систематически публикуемые в журналах «Проблемы прогнозирования», «Форсайт», размещаемые на сайтах российских и зарубежных организаций реального сектора экономики, действующих в сегменте высоких технологий.

Несмотря на многоаспектность разработки темы будущего, остается, в целом, открытым вопрос о его образно-символическом и нормативно-ценностном определении; отсутствуют установки на необходимость рационального выстраивания образов будущего, выполняющих «якорную функцию» по отношению к целям настоящего и средствам их достижения.

Важное значение для раскрытия темы имели работы, посвященные феномену цивилизации и характеристике цивилизационных процессов. В первую очередь необходимо представить европейских мыслителей, сформировавших цивилизационную тематику как систему идей: Ж.-А. де Гобино, Р. Декарта, В. Мирабо, Г. Моргана, А. Тойнби, А. Фергюсона, О. Шпенглера, Ф. Энгельса. В данную когорту, безусловно, входит и российский философ Н. Я. Данилевский.

Из числа наших современников, работающих над темой цивилизации, выделим работы И. В. Бестужева-Лады, Н. А. Васильевой, Б. С. Ерасова, С. А. Зубкова, А. Н. Каньшина, Н. А. Маслова, А. П. Назаретяна, Г. П. Прокофьевой, Ю. И. Семенова.

Рассматриваемая проблема требовала обращений к работам, в которых системно изложены научные взгляды на Человека, предлагаются новые (актуализированные) трактовки его сущности исходя из современных реалий. Сущность человека в контексте культуры раскрывается в трудах по философии культуры, культурологии, культурной антропологии. Это труды, например, таких авторов, как П. С. Гуревич, М. С. Каган, Л. Н. Коган, М. Мид, В. Я. Нагевичене, Э. А. Орлова, Э. Тайлор, С. Г. Фатыхов, Т. В. Чумакова, В. Шубарт.

Человек как объект социализации (влияния культурно-исторического процесса) и в то же время субъект деятельности показан в трудах известных педагогов прошлого: А. Дистервега, Д. Дьюи, Я.-А. Коменского, К. Д. Ушинского, а также в работах современных ученых, обращающихся к теме социализации – А. А. Бодалева, С. Н. Гессена, И. С. Кона, А. В. Мудрика, В. Д. Семенова, Г. Н. Филонова, Н. Е. Щурковой.

В целом же, несмотря на определенные концептуальные противоречия, в науке постулируется принцип «постепенности» вхождения человека в культуру, «процессности» усвоения им норм и принятия ценностей культуры, «длительности» ассимилирующего влияния культуры. Типичными знаками освоения культуры (инкультурации, социализации) служат образы «произрастания»¹, «пути»² и т. п. Можно говорить о сформированной методологической традиции бесконечного возвращения к уже апробированным социокультурным моделям, затрудняющей обновление картин мира, целенаправленное создание образов будущего.

Теоретико-методологические основы исследования

Настоящее исследование опирается на достижения отечественной и зарубежной научной мысли в различных областях гуманитарного знания. При этом особое внимание уделялось идеям, концептуализирующим культуру как ценностно-нормативную основу социальной практики (С. Н. Иконникова, П. С. Гуревич, М. С. Каган, Л. Е. Кертман, Г. П. Щедровицкий); обосновывающим деятельностный подход к пониманию культуры и ведущую роль активного социального субъекта в культурном процессе (Л. Б. Зубанова, М. С. Каган, Л. Н. Коган, В. С. Цукерман); разноаспектно проблематизирующим возможности культуры как регулятора социальной жизни (Н. А. Бердяев, Ф. Ницше, Ж.-Ж. Руссо, А. Я. Флиер).

При раскрытии концепта «политика» как имманентного теме работы мы опирались на идеи полисубъектности политического процесса (М. Вебер),

¹ Подробнее см., например: Харьковская, Г. А. Природосообразность как теоретическая основа воспитания (исторический аспект) [Текст]: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Г. А. Харьковская; Пятигорский гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2003. – 186 с.

² Словосочетания «культура как путь», «путь культуры» являются устойчивыми и используются как в собственно научных трудах, так и в публицистических материалах. Мы сделаем ссылку на материал, сочетающий в себе оба подхода: Шварц, Б. Г. Путь культуры: очерк современной государственной идеологии [Текст] / Б. Г. Шварц; Издание Общества Русской Государственной Идеи. – Париж, 1928. – 46 с.

ведущей роли активного социального субъекта («человека могущего») в политическом процессе (П. Рикер), конкурентно-игрового характера политического процесса (А. С. Панарин).

Отправной точкой понимания сущности культурной политики явилась идея о возникновении последней из генетического свойства культуры «брать на попечение и самое себя», т. е. «делаться культурной политикой» (М. Хайдеггер). Указанный методологический посыл, помещаемый в контекст множественности культур, культурного разнообразия («не культура, а культуры» – К. Э. Разлогов), объясняет разобщенность человечества, делая культуру одной из «виновниц» конфликтности и недоверия между различными человеческими сообществами. В то же время он актуализирует культурную политику, направленную на преодоление межкультурных противоречий через переопределение основ бытия (В. С. Библер).

Интерпретационный анализ обширного эмпирического и теоретического материала (в первую очередь, прогнозов будущей социально-культурной ситуации), послуживший основой сделанных выводов, опирался на идеи философии русского космизма о возможности физического бессмертия человека (В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, их последователь, наш современник И. В. Вишев) и совершенствовании его биологического организма вплоть до преобразования в иные материальные субстанции (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский).

Принципиальное значение для диссертационной работы имели выполненные на стыке разных наук современные концепции социокультурного развития:

- концепция демографического (цивилизационного) перехода, обосновывающая наблюдаемое повышение скорости исторического и социального времени с указанием вероятных сроков и причин ее замедления и стабилизации (С. П. Капица);

- концепция цивилизационных кризисов, демонстрирующая вектор развития современной цивилизации и роль культуры в преодолении ее современного кризиса (А. П. Назаретян);

- концепция сингулярности как решительного изменения мира, связанного с интеллектуальным прорывом и развитием новых технологий (В. Виндж);

- концепция ускоряющейся отдачи, объясняющая экспоненциальный рост технических достижений (Р. Курцвейл).

В качестве методов анализа использованы:

- метод структурно-функционального исследования культуры (Т. Парсонс);

- метод выделения «идеальных типов» (М. Вебер);

- метод контекстуализации (М. Фуко);

- метод экстраполяции (И. В. Бестужев-Лада);

- метод моделирования культурных процессов (М. Вартофский);

- метод «конгруэнтности» (К. Роджерс).

Научная новизна и концептуальная значимость диссертационной работы определяются тем, что

1. Осуществлено не имеющее аналогов исследование теоретико-методологических оснований и условий осуществления культурной политики XXI века, что позволило:

- на основе корреляционного анализа сущности феноменов «культура» и «политика»: эксплицировать производное понятие «культурная политика», отражающее в универсальном виде доминирующее представление о данной управленческой практике в современных гуманитарных науках; обосновать необходимость и продемонстрировать процесс контекстуального обновления понятийного ряда предметной области исследования в соответствии с меняющимися условиями применения;

- разработать новую концепцию культурной политики, обосновывающую последнюю как специализированную управленческую практику, концептуализированную в парадигматике будущего, в аспектации прогнозов на XXI век. Представлены ее объектная и предметная области, уровни и модели, региональная поливариантность. Определено, что в условиях ускорения исторического времени, ослабления воспроизводящей функции культуры происходит актуализация будущего как объекта внимания культурного политика. Дана системная характеристика позиции «культурный политик», который не ассоциируется более с отдельным физическим лицом или «рабочей группой», но предстает как системный субъект, ключевым профессиональным качеством которого является транскультурность, способность к социопроектной деятельности с учетом мультикультурности и цивилизационной дифференциации. Использование общественного интеллекта обосновывается в качестве ключевого условия эффективности культурной политики в XXI веке.

2. Акцентируется внимание на необходимости подчиненности культурной политики любого уровня целям физического выживания человечества (толерантного сосуществования отдельных сообществ) в условиях экспоненциального роста населения планеты, в ситуации цивилизационного перехода и его (человечества) дальнейшего толерантного развития в условиях сосуществования разных цивилизационных миров. Аргументирован трансгосударственный, а в перспективе – межцивилизационный характер культурной политики и актуализируемая этим потребность в создании межгосударственных экспертных сообществ, трансгосударственных и транснациональных образовательных программ. Продемонстрированы возможности современных технических средств – персональных медиа – в обеспечении эффективности трансгосударственной культурной политики.

3. Выдвинута и обоснована гипотеза исторической пассионарности первого десятилетия XXI века как главного символа достигнутой «мечты человечества» и особого «переходного» времени. Системно представлены социокультурные реалии первого десятилетия XXI века, аргументированно

трактуемые как знаки приближающегося «времени перемен». Для комплексной характеристики ситуации, сложившейся к концу первого десятилетия XXI века, использован термин «постпарадигмальность», указывающий на затрудненность трактовки происходящего и планирования будущего с помощью ранее созданных картин мира.

4. Предложена система параметров, обеспечивающая верифицируемость, качественный анализ прогнозов на XXI век, концептуально предопределяющих проблематику будущего. Показано, что данная проблематика связана с принципиальными изменениями человека – как природного вида, как создателя и носителя (субъекта и объекта влияния) культуры; человеческих сообществ – как полей распространения различных культур; собственно культуры как механизма социальной регуляции. Показан парадигмальный сдвиг в осмыслении проблематики культуры: от противоречий между традицией и новацией к противоречиям между «скоростью освоения» и «скоростью изменений».

5. На базе открытий, сделанных в смежных науках (применения междисциплинарного подхода), для характеристики феноменологических изменений культуры, перспективной контекстуализации культурной политики использована выдвинутая С. П. Капицей идея цивилизационного перехода и определены вероятные социокультурные последствия данного перехода. Опираясь на вывод о начале латентной стадии цивилизационного перехода и его продолжительности, выделены методологические основания и предложены приоритетные направления культурной политики в XXI веке. Зафиксирован деглобализирующий тренд, предопределяющий цивилизационную дифференциацию человечества и, как следствие, культурной политики.

6. Описаны условия реализации культурной политики, включающие как объективно складывающиеся (экспоненциальный рост населения, цивилизационные трансформации, биотехническое изменение человека), так и требующие субъектно-волевого подхода: согласование межгосударственных и межрегиональных интересов в области культуры; содержательная модернизация системы культурологического образования; разработка трансгосударственных образовательных проектов, способствующих сглаживанию и преодолению межкультурных противоречий; использование новейших технических средств персонального пользования, гарантирующих «доставку» единого универсального контента непосредственно к конкретному человеку.

7. Обосновано включение в процесс формирования культурной политики прогностической составляющей как базовой функции разработчиков. Формирование образа будущего обосновывается как имманентная культурной политике норма.

8. Выделены сложившиеся в предыдущие исторические периоды социокультурные практики, являющиеся актуальными для XXI века: благотворительность и волонтерство. Ключевой характеристикой данных

практик является их системная (социо-экономическая) экологичность и толерантность. Обоснована необходимость создания реестров социокультурных практик современности, по своим нормативно-ценностным характеристикам актуальных для будущего (в реконструированных или аналоговых вариантах).

Теоретическая значимость исследования

1. Разработана методология культурной политики, основанная на концептуализации будущего как проективном образе, выполняющем якорную функцию в отношении социума – объекта влияния.

2. Описаны условия и долгосрочные тенденции цивилизационного перехода, требующие учета любым исследователем, экспертом или субъектом реального сектора при разработке и реализации культурной политики в перспективе XXI века.

3. Разработан понятийный аппарат, адекватно отражающий сущность культуры и культурной политики в ситуации цивилизационного перехода и порождаемого им парадигмального кризиса.

4. Уточнены и описаны объектная и предметная области культурной политики с точки зрения ее системности и дифференцированности по функциональным зонам ответственности культурного политика.

5. Осуществлена группировка и описание функциональных и деятельностных характеристик культурного политика как системного транскультурного субъекта.

6. Предложены долгосрочные универсальные приоритеты культурной политики, основанные на идее межгосударственного, межрегионального, межкорпоративного культурного сотрудничества (транскультурности).

7. Уточнено представление об уровнях и моделях культурной политики, описаны их преимущества и ограничения, предложены основания для взаимодополняющего сочетания.

Практическая значимость исследования

В работе представлено новое направление культурологического анализа – «прогностика». Феномен будущего концептуализирован как имманентный логике культурологического исследования. Обоснован принцип векторной контекстуализации, лежащий в основе отражения процессности социокультурных изменений, а также изменений содержания и механизмов самоосуществления собственно культуры: от прошлого к будущему. В этом смысле многие положения работы могут быть развернуты в самостоятельные исследовательские направления (например: «прогностическая культурология», «культура и цивилизационный переход», «трансгосударственная культурная политика»).

Выполненный в работе анализ текущей социокультурной ситуации, прогнозов и проблематики XXI века, разработанные методологические основания и сформулированные приоритеты культурной политики могут быть полезны экспертному сообществу, привлекаемому для разработки содержания культурной политики, с учетом долгосрочных тенденций

социокультурных трансформаций как в их естественном течении, так и с учетом их направленной коррекции или противодействия им.

Описание культурной политики как самостоятельного специфического вида деятельности, культурного политика как системного транскультурного субъекта, уровней, моделей и универсальной технологии культурной политики может быть востребовано специалистами реального сектора культуры в качестве ориентира для технологического обеспечения культурной политики любого уровня – от регионального до трансгосударственного. Предложенная конфигурация культурной политики с наибольшей эффективностью может использоваться в рамках специализированных проектных мероприятий – оргдеятельностных игр, эвристических семинаров и т. п., – связанных концептуализацией образа будущего как ориентира для осуществления реальной культурной политики.

Разработана универсальная технология культурной политики, отражающая процессный подход как методологический принцип создания и оестествления образа будущего.

Работа может заинтересовать специалистов различных социально-гуманитарных наук в качестве основания междисциплинарного подхода для более глубокого раскрытия собственного предмета в силу обращения к культуре как всепроникающему и проективному феномену.

Материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе в рамках основного курса по культурологии, специальных курсов по основам культурной политики, социокультурному проектированию, социальному прогнозированию, социальному управлению, социальной философии, дополнив их содержание в части рассмотрения перспектив предмета изучения, формирования банков идей и образов будущего культуры и социума.

На защиту выносятся:

1. Современная концепция культурной политики, обусловленная ситуацией цивилизационного перехода, понимаемая как процесс перманентного вновь-определения (переопределения) прошлого, настоящего и будущего как равно значимых для личности и социума витальных сфер на основе их взаимной детерминированности.

Под вновь-определением понимается изменение смысловой маркировки объектов анализа на основе появления новой переменной – культуроформирующей идеи, культурного образца, социальной практики, своим появлением дестабилизирующих существующую систему культуры.

Культурная политика не мыслится метафизически – в логике завершенных проектов, материализующих волю властвующего субъекта. Культурная политика выступает как принципиально незавершаемый процесс оценивания стихийно рождающихся (бытующих) социокультурных практик (эмпирики настоящего) на основе верификации опытом интерпретированного прошлого и экстраполяции в оформленный образ будущего. Результатом может явиться негативная оценка анализируемой

практики либо переопределение на основе ее позитивных качеств тех или иных характеристик прошлого, обновление образа будущего и, как следствие, соответствующее управленческое реагирование.

В силу своей равной значимости для отдельной личности и человечества в целом, прошлое, настоящее и будущее должны выступать связанными областями внимания культурных политиков. Эффективная культурная политика – прокладывание пути цивилизационного перехода – невозможна вне триады «прошлое» - «настоящее» - «будущее».

2. Парадигмально-проектная методология культурной политики:

- основанная на идее возможности преодоления периода постпарадигмальности путем целенаправленного создания образов будущего и использования для его воплощения социопроектных методов;

- соответствующая требованиям равнозначного учета в социопроектной деятельности культурных образцов прошлого и образов желаемого будущего, взаимодействующих оптимизированных опытом настоящего;

- учитывающая процессы цивилизационных трансформаций, вызванных научно-техническим прогрессом и ускорением исторического времени;

- преодолевающая воспроизводственную традицию в управлении социокультурными процессами;

- позволяющая моделировать различные социокультурные процессы и создавать вариативные сценарии развития, ориентированные на образ будущего, отнесенный к пределам горизонта видимости и, таким образом, постоянно обновляемый в процессе попыток его достижения.

3. Универсальная технология культурной политики, включающая

- характеристику программного и проектного модулей, описание их функционального предназначения;

- описание процессов работы с культурным наследием как особым видом представленности (запечатления) норм и ценностей, имеющих значение для детерминации образов будущего;

- описание способов и процедур формирования образов будущего на различных уровнях – от регионального, до межгосударственного;

- определение результативности культурной политики, заключающейся, во-первых, в стабильной воспроизводимости требуемых культурных норм и ценностей в границах обозначенного культурным политиком региона, во-вторых, в стремлении личности волевыми усилиями воспроизводить принятые в обществе лучшие (эталонные) поведенческие и деятельностные модели. Принципиальным показателем эффективности культурной политики будет «стыкуемость» прошлого и будущего в мыследеятельностных практиках, возможность использования прошлого при планировании будущего, осознания текущей деятельности как создания наследия будущего (Э. А. Баллер).

4. Характеристика моделей культурной политики, отражающая ее сложную, системно организованную объектную и предметную области,

детерминированные деятельностными позициями ее субъектов: «идеолог», «аналитик», «проектировщик», «органуправленец», «хранитель», «эксперт»:

- административная модель, основанная на вертикальной (иерархической) коммуникации;

- предпринимательская модель³, в основе которой горизонтальная (партнерская) коммуникация.

Указанные модели на субъективном уровне нередко противостоят друг другу, но объективно являются взаимодополняющими, обладают собственными уникальными ресурсами и возможностями.

5. Категориальный аппарат, адекватно отражающий контекстуально-процессные трансформации феноменов предметной области исследования «культура» и «культурная политика», операционализируемый исходя из внешних (объективных) условий и внутренних (субъективных) установок деятельности культурного политика.

6. Обоснование пассионарности первого десятилетия XXI века, определение его как периода постпарадигмальности, культурного кризиса, глубина и продолжительность которого зависят от многих факторов, ключевым из которых является продолжительность и интенсивность цивилизационных трансформаций, а также наличие или отсутствие регулирующего влияния Человека. Окончание кризиса будет означать переход общества и культуры в новое, не известное пока качество, к новому социокультурному состоянию. Неопределенность будущего делает неэффективными попытки модернизировать настоящее. Постпарадигмальность трактуется как знак радикальных изменений, правильное прочтение которого требует скорейшей концентрации интеллектуальных усилий политических элит и культурных акторов в направлении понимания и оценки будущего.

7. Описание условий реализации культурной политики, включающих как складывающиеся объективно, под влиянием естественного развития событий, так и целенаправленно создаваемые культурными политиками для повышения ее эффективности:

- во-первых, это объективно существующие внешние условия: изменения основополагающих характеристик человека как творца и объекта влияния культуры, процесс цивилизационных трансформаций, демографический переход и ускорение исторического времени;

- во-вторых, это условия результативности культурной политики, обеспечиваемые целенаправленно: согласованная позиция различных субъектов культурной политики, разработка межгосударственной культурной стратегии, использование технических средств персонального пользования в

³ Мы различаем понятия «предпринимательство», «коммерция» и «бизнес». Предпринимательство – способность к самостоятельным рискованным целенаправленным действиям в любых ситуациях неопределенности, готовность принятия ответственности за полученные результаты и последствия. Именно в сфере политики (в т. ч. культурной) предпринимательский тип деятельности востребован наиболее широко.

качестве персональных медиа для адресной доставки требуемого нормативно-ценностного контента.

8. Характеристика атавистических (негативных) культурных образцов и практик, предопределенных к искусственному распрямлению в XXI веке, и актуальных для XXI века (перспективных) социокультурных практик современности:

- атавистические практики, несмотря на разнообразие, генетически тяготеют к сверхнеобходимому накоплению и потреблению в экономическом аспекте и нетолерантности в сознании и поведении в аспекте политическом;

- актуальные (перспективные) для XXI века практики генетически тяготеют к экологичным и альтруистическим поведенческим и деятельностным моделям.

Типологически близкие к указанным практики и служащие их основанием нормативно-ценностные императивы выступают важнейшими ориентирами культурной политики в плане либо их поддержки, либо нивелирования. Автор обосновывает создание реестров с описанием нормативно-ценностных характеристик атавистических практик для постановок ограничений искусственному интеллекту на их воспроизведение. Также обосновывается создание реестра перспективных практик, которые могут реконструироваться в будущем.

Апробация диссертационной работы. Результаты и выводы исследования отражены в 61 публикации, в том числе 5 монографиях (две авторские и три в соавторстве), 6 программных и учебно-методических разработках, 50 статьях (9 из них в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК МОиН РФ).

Основные положения диссертационной работы обсуждались на международных, всероссийских и межрегиональных научных и научно-практических конференциях и проектных семинарах:

«Взаимные интересы некоммерческих организаций и общественности» – международная научно-практическая конференция (Москва, 1999); «Национальная конференция некоммерческих организаций России» (Москва, 2000); «Культура и культурология на пороге тысячелетий» – региональная научно-практическая конференция (Челябинск, 2000); «Культура на пороге третьего тысячелетия в свете культурологического знания» – межрегиональная научно-практическая конференция (Челябинск, 2001); «Социальные исследования благотворительности в современной России» – Всероссийская научно-практическая конференция (Санкт-Петербург, 2001); «Гражданский Форум Российской Федерации» – всероссийская конференция-совещание по перспективам развития гражданского общества в России (Москва, 2001); «Методические и методологические проблемы исследования эффективности благотворительной деятельности» – межрегиональный семинар-конференция (Санкт-Петербург, 2002); «Устойчивое развитие челябинского региона» – международная конференция (Челябинск, 2002); «Российский Форум» – всероссийская конференция-

совещание по перспективам развития гражданского общества в России (Н. Новгород, 2003); «Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования» – международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана (Екатеринбург, 2006); «Социально-экономические аспекты развития предпринимательства: история, современность, будущее» – межвузовская научно-практическая конференция (Челябинск, 2006, 2007); «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» – международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана (Екатеринбург, 2007, 2009, 2010); «Проблемы эффективности государственного и муниципального управления в условиях преодоления экономического кризиса: возможен ли инновационный шаг в развитии России» – Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция (Челябинск, 2009); «Экономические, юридические, социокультурные аспекты развития региона» – всероссийская научно-практическая конференция (Челябинск, 2007, 2008, 2009); «Единое социокультурное пространство» – I международная научно-практическая конференция (Челябинск, 2009); «Вопросы организации системной работы по выявлению, развитию и поддержке интеллектуально и творчески одаренных учащихся» – межрегиональная научно-практическая конференция (Челябинск, 2010); «Экономические, юридические, социокультурные аспекты развития регионов» – международная научно-практическая конференция (Челябинск, 2010, 2011).

Под руководством автора разработаны и приняты Челябинской городской думой нормативные документы, обеспечивающие реализацию культурной политики: «Концепция социально-культурной политики города Челябинска» (1998) и Концепция молодежной политики города Челябинска «Молодежь Челябинска в III тысячелетии» (2002).

Под руководством автора за период 1992–2010 гг. разработано и проведено более 40 оргдеятельностных игр и проектных семинаров по формированию основ культурной политики различных административно-территориальных образований Челябинской и Свердловской областей, а также стратегии развития ключевых сфер системы культуры Челябинской области (музейной, концертно-исполнительской, библиотечной).

Материалы диссертации неоднократно обсуждались на совместных семинарах Межрегионального Центра социальной теории (Челябинск – Москва) и комиссии по образованию и науке Общественной палаты Челябинской области (2010–2011).

Материалы исследования и теоретические выводы послужили основой для лекционных курсов, семинарских и практических занятий со студентами Челябинской государственной академии культуры и искусств, Уральского социально-экономического института (филиала) Академии труда и социальных отношений и Челябинского института экономики и права им. М. В. Ладощина по дисциплинам: «Культурная политика», «Социальное проектирование», «Связи с общественностью в сфере культуры», «Основы теории

коммуникации», «Теория, методика и организация культурно-досуговой деятельности».

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Содержание работы изложено на 357 страницах, библиографический список включает 315 наименований.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы и конкретизировано проблемное поле исследования; выявлена степень научной разработанности темы; определены цель, задачи, объект и предмет анализа; представлена научная новизна; сформулированы положения, выносимые на защиту; обозначена практическая значимость и подтверждена апробация результатов диссертационной работы.

В первой главе **«Культурная политика: рефлексия формирования смыслового пространства и понятийного аппарата»** на основе структурно-функционального подхода и принципа конгруэнтности сопоставлены и проанализированы различные концепции культуры и (отдельно) политики, сформированные в предшествовавший исследованию период. На этом основании эксплицирован соответствующий понятийный ряд, по существу отражающий бытующие представления о базовых и производных феноменах предметной области диссертационной работы.

1.1. Генезис и структурно-смысловое содержание понятия «культура» в социорегулятивном аспекте. В параграфе диссертантом предпринят ретроспективный анализ процесса формирования современного представления о культуре в аспекте ее понимания как социорегулятивной системы и рассмотрения как объекта управленческого влияния.

На основе анализа культурологических исследований, системно демонстрирующих представления о культуре (В. П. Большаков, Г. В. Драч, С. Н. Иконникова, Л. Г. Ионин, М. С. Каган, Л. Н. Коган, В. И. Полищук, Ю. В. Рождественский, А. Я. Флиер), зафиксировано критическое разнообразие интерпретаций культуры, зачастую находящихся в разных смысловых пространствах. Последнее, в силу «ускользающей» сущности культуры как объекта влияния, крайне затрудняет формирование культурной политики. Управленческая деятельность в сфере культуры любого уровня не может иметь дело с неоперационализируемой абстракцией либо перечнем предметных, но географически или ситуативно обусловленных свойств явления. Культурная политика как высший уровень управления культурными процессами не может осуществляться целенаправленно и эффективно без ясного понимания сущности культуры как объекта влияния.

Для выделения сущностных свойств культуры с использованием методов выделения «идеальных типов» (М. Вебер) и структурно-функционального анализа (Т. Парсонс) осуществлен анализ генезиса и

становления культуры как феномена. В качестве имманентных свойств культуры были выделены: «искусственность» (противопоставляемое природности, естественности), «принудительность внедрения» (экспансионизм), «воспроизводственность» (сохранение и тиражирование апробированного), «транслятивность» (передача собственного содержания во времени и пространстве), «эталонность» (собственного содержания).

Путем использования метода конгруэнтности (К. Роджерс), сопоставления системных описаний культуры, представленных в трудах, концептуально обобщающих исторически накопленные представления о культуре, из ряда структурных элементов культуры были выделены наиболее стабильно воспроизводимые, характеризующиеся как «базовые», «основополагающие» и подробно описываемые – нормы и ценности.

В параграфе дан обобщающий анализ дефиниций «культурные нормы» и «культурные ценности», используемых авторами наиболее крупных работ по теории культуры (В. П. Большаков, Г. В. Драч, Л. Г. Ионин, М. С. Каган, А. С. Кармин, А. И. Кравченко, А. А. Радугин, А. Я. Флиер, К. М. Хоруженко и ряд других). На основании данного анализа, а также собственных ретроспективных реконструкций «культурная норма» определена как усвоенный в процессе социализации тип отношений и способы его проявления. Важной характеристикой культурной нормы выступает процессуальность (длительность, незаметность) ее усвоения индивидом и автоматизм в исполнении. «Культурные ценности» в отличие от норм определяются как значимые для личности, оберегаемые ею смысложизненные установки и идеи, материализуемые и сохраняемые с помощью имеющихся возможностей. Культурная ценность принимается индивидом осознанно и имеет рациональные основания.

В контексте культурной политики принципиально важно, что ценности и нормы практически всегда опредмечиваются человеком и проявляются через его социальную практику (В. П. Большаков), т. е. являются четко проявляемыми, а следовательно, фиксируемыми с помощью различных процедур. Именно это позволяет рассматривать их в качестве конструкторов культуры и объектов управленческого воздействия.

Ценности и нормы могут составлять разнообразные комбинации. Одни и те же ценности могут ситуативно надстраиваться над разными нормативными фундаментами. Именно сочетание определенных норм с тем или иным набором ценностей и составляет культурные особенности какого-либо общества (общности). Чем больше в рамках общества существует групп с различными нормативными основаниями и ценностными ориентациями, тем менее стабильно данное общество. Дается представление о терминальных и инструментальных ценностях, субкультурных проявлениях (П. С. Гуревич, Н. И. Лапин) как особых объектах анализа культурного политика.

На основании проделанного анализа культура определяется как сочетание объективно усвоенных, воспроизводимых и транслируемых норм

мышления и деятельности и субъективно принятых ценностей, определяющее содержание общественной жизни. Статичность определения позволяет операционализировать его в социорегулятивном и управленческом аспектах. Во-первых, определение указывает на всепроникающий характер культуры. Нет такого вида и, более того, сферы человеческой деятельности, которые бы существовали без нормативных основ и вне ценностных рамок. Во-вторых, показана возможность выделения, описания и оценки отдельных культурных норм и ценностей. Любую культуру, культурный тип можно, используя особые процедуры, разложить на отдельные нормы и ценности, выделив главные и второстепенные. В-третьих, определение указывает на возможность конструирования новых культурных норм: если нормы появляются не каким-либо сверхъестественным образом, а в результате деятельности людей, то вполне возможно их целенаправленное создание (конструирование). В данном случае имеется в виду теоретическая работа, позволяющая создать умозрительную картину желаемого культурного порядка (состояния). В-четвертых, предыдущие выводы позволяют говорить о возможности целенаправленного изменения культуры и, как следствие, характера жизненного устройства путем усиления, нейтрализации и консервации различных культурных норм, пропаганды или критики ценностей. Если нормы и ценности могут изменяться под влиянием случайных факторов, то вполне возможно придать этому процессу целенаправленный (управляемый) характер.

1.2. Генезис и структурно-смысловое содержание понятия «политика». По аналогии с предыдущим параграфом предпринимается ретроспективный анализ процесса формирования современных представлений о политике, системно представленных в крупных политологических трудах (В. А. Ачкасов, М. Вебер, В. А. Гуторов, К. С. Гаджиев, А. А. Дегтярев, Ю. Л. Качанов, А. С. Панарин, К. Поппер).

При всем многообразии определений преобладает традиция, заложенная Платоном и Аристотелем, ассоциировать политику с государственной деятельностью. В то же время, начиная с XX века, появляются более широкие трактовки данного феномена, позволяющие включать в число ее субъектов практически любых акторов, имеющих цели, достижение которых предполагает преодоление сопротивления (М. Вебер, М. Оукшот). Неопределенность, вероятностный характер политического процесса отражены в представлениях о политике как об искусстве (В. А. Гуторов, Т. Шаберт) и об игре (Ю. Л. Качанов, А. С. Панарин). Допущение многосубъектности политики, ее вероятностного, процессного характера задает объемное понимание политической конкуренции, распространяя соответствующие процессы на любые сферы человеческой деятельности и, таким образом, теоретически обосновывая возможность культурной политики, в которой государство может оказаться не только в роли субъекта, но и в роли объекта.

Включение в смысловое поле понятия «политика» идей игры и искусства неизбежно полагает постановку вопроса о профессионализации политической деятельности. Диалектическим антиподом искусству выступает технология. Политические технологии неизбежны в силу принципиальной схожести многих ситуаций в политических играх. Соответственно, технологическая основа должна существовать и в культурной политике.

Практически любые политические теории указывают на власть как главный феномен, служащий фундаментом политики и объединяющий вокруг себя любые рассуждения по ее поводу, как главный стимул появления и развития политической мысли, более того – политического сознания. В параграфе охарактеризованы разные типы власти: публичная (явная), скрытая (тайная), власть-цель и власть-средство. На основе идей известных исследователей политики обосновывается необходимость минимизации использования принудительных механизмов для осуществления власти (Дж. Локк, В. В. Почепко, М. Фридман). Последнее особенно актуально именно для культурной политики как принципиально непринудительной практики приобщения к культурным нормам и ценностям.

Сформулированы смыслообразующие идеи, характеризующие понятие «политика»: во-первых, политика существует везде, где существуют цели, достижение которых невозможно вне властных отношений либо отношений доминирования; во-вторых, политика является отражением динамики осознанных интересов конкретных личностей и социальных групп; в третьих, политика осуществляется равно как формальными (легитимными), так и неформальными (не одобренными заранее в установленном порядке) методами; в-четвертых, политика требует профессионального отношения и может, при наличии воли и возможностей, осуществляться любым субъектом (личностью или группой) независимо от формальной профессиональной и социальной принадлежности. По сути, именно такая картина наблюдается сегодня в региональных и глобальном социокультурных пространствах. Культура в эпоху индустриализма стала областью использования разного рода социальных технологий, пространством конкуренции и полем столкновения фундаментальных интересов различных субъектов, претендующих на ведущие роли в определении общественного устройства и характера общественных отношений.

Тем не менее, политика объективирована собственным предназначением. С одной стороны, это выявление сильнейшего субъекта (в лице личности или группы), способного реально действовать, направляя развитие системы – «человека могущего» (П. Рикер). С другой стороны, политика обеспечивает баланс сил и интересов различных политических лидеров и групп, заставляя игроков вырабатывать и постоянно совершенствовать процедуры получения преимуществ. Таким образом, целевые устремления субъектов политики являются катализатором не только

отношений соперничества, но и процессов поиска консенсуса, социального взаимопонимания, выработки взаимоприемлемых правил общежития.

Конкурентная ситуация изначально предопределена разнообразием интересов субъектов политики и несовпадением их целей. Проблема адекватности целей и средств – ключевая проблема политической философии и практики любых обществ и исторических эпох (М. Вебер, К. С. Гаджиев, И. И. Мюрберг), «политическая добродетель есть самоотверженность – вещь всегда очень трудная» (Ш. Монтескье). Выбор средств в первую очередь определяется ценностными и нормативными (культурными) качествами субъекта политики. Именно собственная культура определяет субъективные возможности политического лидера в постановке целей и определении средств, допустимых для их достижения.

Таким образом, политика определяется как искусство гармоничного сочетания целей и средств, рисков и ресурсов при преодолении сопротивления в процессе достижения и употребления власти. Данное определение, во-первых, обращает внимание на принципиально предпринимательский характер политической деятельности. Его фиксирует термин «искусство», который, означая превосходную степень, высокое качество какой-либо деятельности, подчеркивает зависимость результата от особенностей личности исполнителя, его подготовленности и индивидуальной техники ведения дел. Во-вторых, определение фиксирует важнейшее условие эффективности политики – «гармонию целей и средств, рисков и ресурсов». В данном случае «гармония», будучи трудно формализуемым понятием, предполагает такое сочетание элементов, которое гарантировало бы максимальный результат при минимальной опасности. В-третьих, определение рассматривает политику как поле столкновения и противоборства различных идей и интересов, как поле борьбы. Если нет сопротивления, если нет борьбы – значит, нет и политики, значит, отсутствует необходимость предпринимательского поведения, согласования рисков и ресурсов и т. д. Умение «преодолевать сопротивление», добиваться задуманного – условие и одновременно показатель эффективности политической деятельности. В-четвертых, говоря о «достижении и употреблении власти», мы указываем на активную, наступательную позицию субъекта политики. Политика – явление принципиально экспансионистское, что сочетается с аналогичной характеристикой культуры, выступает предпосылкой, резонирующей (усиливающей) их взаимосочетание.

1.3. Смысловое пространство и структурные элементы понятия «культурная политика». На основе ранее сформированных представлений о культуре и политике генерируется адекватное для современной исследовательской парадигмы и практики понятие «культурная политика».

В основу понимания сущности современной культурной политики положена ее трактовка М. Хайдеггером: «В сущности культуры заложено то, что она, будучи ... опеканием высших благ, берет на попечение и самое себя

и таким образом делается культурной политикой»⁴. Предельное смысловое обобщение не мешает уловить указание на внутреннюю самоидентичность, аутентичность культуры. Каждая культура стремится опекать те блага, которые проистекают именно из нее, принадлежат (или, по крайней мере, являются близкими) именно ей. Блага, содержащиеся в других культурах, вполне могут быть подвергнуты сомнению и критике.

М. Хайдеггер указал, по сути, на обреченность человечества быть разобщенным в силу культурных различий. Из его суждения вытекает, что культурная политика есть не что иное, как стремление каждой культуры к поддержанию собственной аутентичности и переносу свойственных себе элементов в пространство других культур–конкурентов. В то же время сама культурная политика возможна, во-первых, как проявление воли действующего субъекта, т. е. умеющего выйти из «плена культуры», а во-вторых, актуализируется в связи с необходимостью преодоления культурной разобщенности. Таким образом, сущность феномена культурной политики раскрывается, с одной стороны, через описание процесса и условий приобретения человеком определенных культурных черт – культурной и политической сущности социализации. С другой стороны – с помощью уточнения факторов, помогающих человеку сопротивляться культурным влияниям, сохранять собственную индивидуальность; оказывать формирующее влияние на культурные процессы.

Рассматриваются два различных по методологии подхода к обеспечению оптимального процесса социализации. Первый основан на принуждении, второй – на мягком, подчас неосознаваемом личностью влиянии. В контексте культурной политики аргументируется преимущество второго подхода. Учитывая процессность, длительность социализации, нормативно-ценностные основания культуры, ее доминантную интенциональность, культурную политику можно определить как целенаправленную, перспективно (долгосрочно) ориентированную деятельность, обеспечивающую развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей.

В данном определении, во-первых, акцентируется внимание на целенаправленности культурной политики. Во-вторых, определение указывает на длительность культурных изменений. Эта мысль отражена в слове «перспективный». Культурная политика имеет принципиальные отличия от таких регулятивных инструментов, как принуждение или манипуляция, в силу медленности ее транслятивно-воспроизводственных механизмов. В-третьих, слово «развитие» указывает на необходимость согласования воспроизводящего (собственно культурного) и развивающего (творческого) компонентов, определяющих особенности жизнедеятельности

⁴ Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет [Текст]: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – С. 135-136.

и перспективы общества. В-четвертых, термин «рамка» указывает на необходимость построения достаточно четких ориентиров, определяющих оптимальные идейные и технологические основания жизнеустройства – нормативно-ценностного ядра. В-пятых, определение указывает на необходимость согласования субъективных интересов культурного политика и интересов различных общественных групп. Подобное согласование, зафиксированное в термине «обоснованный», позволит значительно смягчить противоречия, возникающие между различными субкультурными группами. В-шестых, указание на искусственность внедрения культурных норм и пропаганды ценностей репродуцирует имманентную культуре внеприродность, принудительность, в неявной форме постулируя идею ответственности культурного политика за сделанный выбор.

Во второй главе «**Социокультурные трансформации в XXI веке: перспективы культуры в контексте постпарадигмальности**» системно описаны кризисные процессы в культуре и обществе, вызванные научно-технической революцией.

2.1. Культурные реалии первого десятилетия XXI века: начало периода постпарадигмальности.

В параграфе системно описано состояние культуры и общества первого десятилетия XXI века. Данный исторический период избран не в силу объективно присущей ему специфики, выпадения из сформировавшихся ранее тенденций развития, но по причине его субъективного позиционирования как момента культурной встряски, психологической готовности к чуду, схождения ранее не резонировавших противоречий.

Наиболее часто употребляемым термином, с помощью которого социологи и культурологи описывают ситуацию рубежа XX-XXI веков, является «постмодернизм», обозначающий «новое состояние цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики в той ситуации, когда основные энергии и стратегии модерна, Нового времени, представляются либо исчерпанными, либо измененными до неузнаваемости» (А. Г. Дугин). Анализ постмодернистского толкования действительности позволяет выдвинуть гипотезу о том, что совокупный потенциал изменений превышает ассимилирующие возможности культуры.

В числе основных характеристик первого десятилетия XXI века, влияющих на мышление, мировосприятие и деятельность людей, можно назвать следующие:

1. Кризис знаниевой культуры, определяемый быстрым устареванием и неустойчивостью знаний, стремящееся к бесконечности количество центров генерации знаний, эмпирически фиксируемая архаизация традиционных способов оформления и трансляции знаний, нетранслируемость опыта.

2. Доминирование процесса над результатом, движения над покоем. Непредсказуемость все более становится нормой, правила «игры» вырабатываются в ходе самой «игры» и порой устаревают до того, как

«играющие» успевают их понять и освоить. Что касается России, то здесь реформы идут уже более 20 лет и завершения их не предвидится. Наоборот, мы слышим все больше аргументов в пользу новых реформ и все больше критики недостаточного динамизма ведущихся.

3. Девальвация информации как инструмента формирования картины мира. Порождается избыточностью информации, информационной перегруженностью человека, содержательной противоречивостью информации, невозможностью комплексного анализа информации, медиа-маргинальностью систем распространения информации, хаотизацией распространения информации. Проявляется в обратной информационной зависимости (не человек ищет информацию, а информация ищет человека).

4. Новые возможности для социальной консолидации и использования общественного интеллекта, полученные благодаря современным технологиям: формирование виртуальных социумов, их коммуникативная экстерриториальность и диффузность; начало формирования систем «участвующего управления» (Н. И. Миронова) и интеллектуального донорства.

5. Самоидентификационная мимикрия как образ и смысл существования, провоцируемая нереконструируемостью исходных состояний явлений, процессов, объектов, ситуаций и др. Деактуализация традиционных смысловых рефлексий: «поиск себя», «поиск смысла жизни» и т. д., преобразование соответствующих личностных конвенций в фантазийно-релаксационные форматы.

6. Принципиальная прозрачность жизни, деактуализация права на «невидимость», являвшегося фундаментальной нормой культуры модерна. Этот процесс стимулируется как логико-административными мерами (видеонаблюдение, принудительное формирование баз данных и т. п.), так и новым мировоззрением, придающим публичности высокий статус, понижающим порог интимности, устанавливаемый человеком лично для себя (реалити-шоу, PR знаменитостей, откровенные ток-шоу, кастинги и др.).

Постмодернизм реально предстает в различных функциональных плоскостях:

- знак радикальных социокультурных изменений, смены парадигм и устоявшихся представлений о мире;

- теория, эмпирически демонстрирующая и обосновывающая необратимость изменений, разрушающих традицию, сбой в культурных регуляторах жизни общества;

- идеология, позиционирующая собственную безальтернативность, претендующая на роль нового фатального социокультурного проекта (А. Г. Дугин).

Постмодернизм во всех своих ипостасях ставит человека и человечество перед проблемой неопределенности будущего. Складывающуюся ситуацию уместно определить как период постпарадигмальности, этим термином в диссертации обозначается условное

название периода обманчивости привычного, когда, казалось бы, известные знаки не несут прежнего содержания, а человеческий интеллект не успевает делать перекодировку знаковых систем. Мир приближается к точке бифуркации, после которой вектор цивилизационного развития может радикально измениться. Понимание этого требует специальных совместных усилий ключевых человеческих сообществ по выработке консенсуса относительно образа будущей цивилизации.

2.2. Тренды и прогнозы XXI века как основания трансформаций представлений о культуре и социуме.

Параграф посвящен описанию трендов и презентации прогнозов научно-технологического развития на XXI век. Предложена система отбора прогнозов для анализа, позволяющая повысить их верифицируемость. Критериями отбора, повышающими достоверность прогнозов, определены:

- наличие у авторов высокого социального статуса в профессиональном сообществе (ученой степени, инженерных изобретений; продолжительного стажа профессиональной деятельности в высокотехнологичных наукоемких отраслях; наличие почетных званий, членство в научных ассоциациях, участие в разработке прогнозов по заказам государственных органов, коммерческих и общественных организаций);

- тип прогноза (выполненный строго в рамках заявленной методологии, с использованием требуемых процедур либо условно интуитивный прогноз, основанный на личном опыте, эксклюзивной информации, зачастую на собственных профессиональных планах);

- форма представленности (презентации) прогноза (в узкопрофессиональных кругах – для специалистов и лиц, принимающих решения, либо для широкой общественности; в специализированных монографических работах, научных статьях либо в публицистических форматах – интервью, популярных статьях в СМИ и т. п.).

В диссертационной работе использованы три основных источника формирования представлений о будущем:

1. Прогнозы, инициированные различными государствами для выработки национальных стратегий развития.

Большинство развитых стран к последнему десятилетию XX века сформировали национальные концепции прогнозирования, соответствующие постиндустриальным вызовам. Прогнозы, инициированные государствами, практически всегда представлены в виде строгих научных отчетов, выполненных по условно стандартной структуре, общепринятой в научном сообществе логике.

2. Индивидуальные прогнозы, которые от своего имени делают какие-либо социально-знаковые фигуры: именитые ученые, изобретатели, общественные деятели. Такие прогнозы основываются в значительной степени на огромном личном профессиональном опыте и профессиональной интуиции. Именно опыт и интуиция в сочетании с глубоким знанием

ситуации в конкретных областях науки и практики делают подобные прогнозы заслуживающими пристального внимания.

Важным ресурсом авторов индивидуальных прогнозов является личная репутация, рисковать которой крайне нерационально. Мы вправе предположить, что осознание этого, накладывающееся на понимание неизбежности общественной и профессиональной экспертизы публичных прогнозов, налагает дополнительную ответственность на их авторов.

3. Прогнозы, презентуемые футурологически ориентированными общественными организациями, которые

- выражают общественное мнение по отношению к профильной проблематике, демонстрируют степень интереса к рассматриваемым вопросам и доверия общества (какой-то его части) к предлагаемым выводам;

- являясь полифункциональными, по сути, системами, обеспечивают синтез идей из различных областей знаний, так или иначе имеющих отношение к будущему;

- включают в себя представителей самых разных профессий, отраслей хозяйства и социальных позиций (статусов). Нередко ядро таких объединений составляют специалисты «среднего звена», опытные практики реального сектора (действующие врачи, инженеры, киберспециалисты и др.), очень хорошо представляющие современное состояние технологий, отслеживающие новинки, следящие за тенденциями развития своих профессиональных сфер. В этом смысле общественное объединение выступает коллективным субъектом, разнообразие внутренней структуры которого рождает универсальный интеллект, способный профессионально оценивать ситуацию и решать разнопрофильные экспертные задачи.

Всего проанализировано около пятидесяти прогнозов, выполненных различными субъектами, соответствующих критериям респектабельности. Данные прогнозы типологически разбиты на три группы.

Ключевой идеей прогнозов, относящихся к первой группе, является идея о принципиальном продлении человеческой жизни, а в перспективе – достижении человеком «практического бессмертия».

Ключевой идеей прогнозов второй группы является идея принципиальной возможности клонирования отдельных органов человека и самого человека.

Ключевой идеей прогнозов третьей группы является возможность изменения самой природы человека под воздействием трех активно развивающихся научных направлений: биоинженерии, нанотехнологий, информационных технологий.

Несмотря на расхождения, касающиеся сроков и интенсивности грядущих изменений, а в отдельных случаях – их парадигмального видения, картина ближайшего будущего вырисовывается достаточно отчетливо:

1. Уже к середине XXI века человечество ожидает существенное по сравнению с современным состоянием продление физической и интеллектуальной жизни.

2. Существует вероятность изменения самой природы человека, вытекающая:

- во-первых, из возможности его генетического совершенствования – программирования личностных и физических качеств;

- во-вторых, из преобразования его в биотехническое существо; технические средства перестанут быть внешними вспомогательными инструментами, но станут имманентными новому человеку.

3. Человечество вступает в период новой и неоднозначной идентичности, связанной с клонированным происхождением отдельных индивидов, возможностью замены отработавших свой срок (или поврежденных) органов и тканей, личностно-имиджевой мимикрией.

По завершении первого десятилетия XXI века все острее начинает звучать вопрос «Что значит быть Человеком?». Из полусутошного и риторического он превращается в один из главных вопросов, на который будет вынуждена отвечать наука.

2.3. Ключевая проблематика культуры и социума XXI века.

В работе отвергается как катастрофическое, так и идеалистическое представление о «завтрашнем дне». Однако переход к иной действительности проблематичен сам по себе, как проблематична любая рубежность, любой стык старого и нового, прошлого и будущего.

Перспективно ориентированная культурная политика актуализируется в связи с потенциальной возможностью самоуничтожения человечества благодаря созданию новых видов вооружений. Важно, что конфликты вероятны не только по рациональным причинам (например, борьба за ресурсы), но также из «духовных» потребностей людей: бескорыстной тяги к социальному самоутверждению, самоподтверждению, самовыражению, самоотвержению, смыслу жизни, приключению и подвигу (А. П. Назаретян).

Интеллект рассматривается в качестве стратегического ресурса развития. Выдвигается версия нового основания конкуренции между различными сообществами – за интеллектуальные ресурсы. Рассматриваются различные типы конкурирующих политических устройств, в основе которых – различные системы интеллектуальной организации: основанные на элитаристском интеллекте и общественном интеллекте. Приводится сравнительный анализ данных систем.

Также существенным основанием, актуализирующим культурную политику будущего, выступает корпус этических проблем, не стоявших ранее перед человечеством. Ключевой вопрос, ответ на который придется дать человечеству в лице своих элит и культурных акторов при прорисовке образа будущего, в универсальной формулировке звучит так: «Имеет ли право Человек вторгаться в процесс собственного происхождения?». При положительном ответе на данный вопрос возникнет генеральная этическая дилемма, перед которой неизбежно встанет человечество: увеличение продолжительности жизни наличного поколения в ущерб рождению новых

поколений либо приоритет рождения новых поколений в ущерб продолжительности жизни наличного поколения при медицинских возможностях ее продления (Дж. Харрис).

Положительный выбор в пользу продления жизни наличного поколения деактуализирует традиционный тип воспроизводства человечества как вида, что приведет к функциональным изменениям организма, а в контексте культуры – к существенному изменению гендерных статусов индивидов и корпуса этических норм, регулирующих весь спектр отношений полов. В параграфе обосновывается вероятность существенного сокращения инфраструктуры поддержки детства, ослабление воспроизводства родительской культуры, утраты образа семьи как ячейки выращивания и воспитания ребенка. Ослабление ключевого в современном менталитете концепта «жизнь ради детей» неизбежно приведет к пересмотру представлений об «ответственности перед будущими поколениями». Ведь если «будущие поколения» не будут производиться, то не будет и ответственности перед ними⁵. Как следствие, прогнозируется «неясность» судьбы природного и культурного наследия, перешедшего в управление «долгожительствующему» поколению, неостребованность идеологии и инфраструктуры сдерживания «преобразующей активности Человека». Сама история человечества постепенно может трансформироваться в жизнеописание поколения.

Технологическое усовершенствование человека – киборгизация (Е. Клайнс, Н. Клин) – означает окончательную победу культуры над природой. В то же время ставится вопрос о вероятных изменениях самой культуры как регулятивного механизма, работающего с биологическим носителем и определяемого биохимическими типами реакций, свойственными для данного организма. Проблематизация будущего культуры в контексте научно-технической революции не нова (Н. А. Бердяев). Однако впервые вопросы о будущем культуры требуют не умозрительных, а максимально прагматичных ответов. В параграфе предлагаются варианты переопределений феномена культуры с позиций современного знания, в частности, рассмотрения ее как программы эволюции человечества, обеспечивающей его отделение (независимость) от природы (nature) как объективной реальности, ограничивающей человеческий потенциал. В то же время, подобное понимание культуры высвечивает ключевую проблему культуры (и, соответственно, общества как продукта культуры), явно проявляющуюся в ситуации постмодернизма, заключающуюся в ее ретроориентированности. Главная проблема культуры в XXI веке определена как несоответствие собственных механизмов (настроенность на биологические темпоритмы, рефлексивно-упражненческие

⁵ Харрис, Дж. Сканирование горизонта. Этические проблемы бессмертия [Электронный ресурс] / Дж. Харрис // Человек. – 2002. – № 3. – Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/LONG_2.HTM#3. – Загл. с экрана.

механизмы приучения, рефлексивно-оценочные отношения в социуме) объекту преобразований. Более совершенный объект должен управляться более совершенной программой. Параграф заканчивается постановкой вопроса: «Возможна ли модернизация культуры-программы или ее ресурс исчерпан?».

В третьей главе «**Парадигмальные основания культурной политики в XXI веке**» делается вывод о начале планетарных цивилизационных трансформаций. Предлагаются методологические основания и приоритеты культурной политики в XXI веке.

3.1. Цивилизационная дифференциация как определяющий фактор развития человечества в XXI веке.

Параграф в значительной степени посвящен ответу на вопрос, завершающий предыдущую главу диссертации. Рассмотрены возможные сценарии социокультурных изменений в контексте продолжающегося ускорения исторического (социального) времени. Сделано логическое заключение о неопределенности перспектив культуры и человечества в ситуации продолжения ускорения исторического времени.

При продолжении тенденции ускорения исторического времени и будущее человечества становится неопределенным в силу прерывания воспроизводства и отмирания практик, на освоение которых требуется время, превышающее либо время актуальности самих практик, либо время сосредоточения, необходимое человеку на их освоение. Для понимания ситуации введены рабочие понятия «скорость изменений» и «скорость освоения». Если время изменений ниже скорости освоения, значит, работают культурные механизмы воспроизводства и регуляции жизни социума. Если же время изменений выше скорости освоения, то культурные механизмы не работают, и жизнь социума должна регулироваться административно либо ситуативно самоорганизовываться. Если же скорость исторического времени стабилизируется или будет снижаться, возможна социальная стабилизация, обращение к культурным механизмам самоорганизации общества.

О снижении и стабилизации скорости исторического времени говорит теория демографического перехода (Ф. Ноутстайн), согласно которой стабилизация населения на планете произойдет к 2100 г. Исходя из теории, предложенной С. П. Капицей⁶, прекращение роста численности населения должно привести к стабилизации информационных процессов, формированию и понятийной определенности новых парадигм бытования человечества, равномерности исторического времени и в целом социальной стабильности. Таким образом, можно прогнозировать восстановление к указанному периоду регулятивной функции культуры. Однако основной

⁶ Капица, С. П. Модель роста населения земли и предвидимое будущее цивилизации [Электронный ресурс] / С. П. Капица // Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/kapitsa_theoria.htm. – Загл. с экрана.

прирост населения произойдет за счет технологически отсталых сообществ. Развитые же в технологическом отношении сообщества останутся в количественном росте, замкнутся в новом цивилизационном пространстве. Стабилизация закрепит произошедшие цивилизационные изменения, фактически сделав реверсивный ход событий невозможным.

Смысл культурной политики на межрегиональном, межгосударственном и международном уровне заключается в том, чтобы удержать человечество от хаоса и самоуничтожения до завершения периода постпарадигмальности, сформировать систему норм и ценностей будущего с учетом перспектив научно-технического прогресса, новых свойств и качеств человека.

3.2. Методологические основания культурной политики в XXI веке.

В параграфе обосновываются методологические основания культурной политики в XXI веке, определенные на основе концепции цивилизационного перехода:

- кризис социо-культурности как ситуация неизбежного обновления представлений о культуре и обществе, требование создания новой парадигмы мирового устройства исходя из сосуществования разных цивилизационных миров;

- возможность целенаправленного преодоления постпарадигмальности, рассмотрение культуры как программы управляемого развития человечества (человеческих сообществ), обеспечивающей его (их) переход в стабильное социокультурное состояние;

- профессионализация культурной политики как новой управленческой практики, обеспечивающей транскультурную согласованность, упорядочивание социокультурной ситуации без подрыва воспроизводственного потенциала поддерживаемых локальных культур;

- определение культурного политика как системного транскультурного субъекта, «путешественника» по разным культурам, способного моделировать образы будущего, опираясь на лучшие практики современности;

- объектная и предметная области культурной политики как отражение функциональных позиций ее акторов:

Позиции первой стадии	Объект	Предмет
Идеолог	Картины мира, мировоззренческие основания деятельности	Процесс аргументации «за» или «против», сравнение «картин мира», ранжирование их по степени предпочтения
Аналитик	Ценности и нормы, бытующие в регионе предполагаемого осуществления культурной политики	Оценивание выделенных ценностей и норм с точки зрения соответствия желаемым и отвергаемым картинам мира

Позиции второй стадии		
Проектировщик	Культурные образцы («конструкты») – мировоззренческие, духовно-эмоциональные, деятельностные, предметно-вещные реально существующие, реконструированные или гипотетические жизненные проявления	Моделирование требуемого культурного состояния путем устранения отрицательных и оптимального сочетания положительных культурных образцов. Сценирование процессов (ситуаций) формирования и обеспечения жизнеспособности нового культурного состояния
Оргуправленец	Люди (жители региона)	Процесс обеспечения мыслительной, поведенческой, деятельностной адекватности различных целевых групп при переходе в новое культурное состояние
Независимые позиции		
Хранитель	Методы, способы, приемы внедрения в жизнь или изъятия из нее культурных образцов	Процесс описания и систематизации методов, способов и приемов работы с культурными образцами и людьми
Эксперт	Замысел, процесс и результат действий субъектов, занимающих вышеперечисленные деятельностные позиции	Поиск положительных и отрицательных составляющих (слабых и сильных сторон) в идеях, проектах решений и действиях специалистов (субъектов), находящихся на каждой из перечисленных деятельностных позиций, в отношении «своих» объектов

- регионально-пространственная ориентация культурной политики, исходящая из ее осуществления в регионах разного типа: административно-территориальных, культурных, виртуальных;

- корреляция различных уровней (трансгосударственного, федерального, локального) и моделей (административной и предпринимательской) культурной политики;

- сочетание отраслевого и социопроектного подходов к формированию и реализации культурной политики. Основная функция отрасли в период постпарадигмальности – противодействие процессам распада, сдерживание хаоса, сохранение культурных практик и образцов прошлого и настоящего как единиц разнообразия. Основная функция социального проектирования в период постпарадигмальности – генерирование образов новой реальности и их материализация путем создания и последовательной имплантации в социокультурную среду регионов любого типа новых культурных образцов;

- взаимодополняемость и взаимозависимость естественного и искусственного интеллектов, необходимость использования интегративных инструментов, рассчитанных на смешанные формы интеллекта и учитывающих самостоятельную роль технических средств в системе влияния на людей.

3.3. Приоритеты культурной политики в XXI веке.

В параграфе обосновываются приоритеты культурной политики, соответствующие ее главной цели – сохранению человечества в его цивилизационных инвариантах вплоть до наступления периода стабильности:

- формирование толерантности как имманентного качества представителей любых цивилизаций, транскультурной системы ценностей; данный приоритет направлен на преодоление закрепленного в культурных нормах и ценностях предыдущих исторических периодов подозрительного и недоверчивого отношения к представителям чужих сообществ;

- поддержание различных цивилизационных миров, каждый из которых выполняет собственную миссию по отношению к человечеству как виду. Сообщества, включающиеся в инновационные эксперименты, выступают первопроходцами, испытывая на себе (рискуя будущими поколениями) результаты научных открытий. Сообщества, остающиеся на предыдущих ступенях развития, выполняют не менее важную с точки зрения видового выживания миссию: сохраняют исконную (аутентичную) копию человеческого вида;

- создание регулярно пополняемых банков прогнозов и формирование проектного мышления. «Прокладывание пути» цивилизационного перехода требует видения условного пункта назначения – образа будущего. Формирование такого образа – не разовое одномоментное действие, но постоянно происходящий процесс, на каждом последующем этапе подвергающий ревизии результаты предыдущих этапов. Данная деятельность – зеркальный аналог давно апробированного изучения истории (прошлого) – позволит овладеть уже на уровне школы первичными навыками прогнозирования, выработать проектный тип мышления;

- формирование «этики человечности» – набора требований к любым представителям человеческого сообщества, направленных на сохранение и воспроизводство предписываемых именно человеку гуманистических качеств, идентифицирующих его как вид;

- поддержка и наращивание разнообразия как ресурса жизнеспособности человечества и конкретных сообществ в случае неблагоприятно складывающейся ситуации; необходимого контекста для выработки толерантности; фактора конкуренции и взаимодополнения культур, повышающего их жизнеспособность;

- оптимизация потребностей как важнейшего фактора сохранения ресурсной базы человечества и социального мира. Речь о преодолении

избыточного потребления (Ж. Бодрийяр), закрепившегося в качестве культурной нормы в индустриальный период. Обосновывается формирование «культуры эффективного потребления», основанной на здравом смысле, социальной ответственности и гуманизме, объективной полезности для потребляющего.

В четвертой главе **«Содержательные и технологические императивы культурной политики в XXI веке»** предлагается универсальный подход к формированию культурной политики, исходя из установки на минимизацию рисков самоуничтожения человечества в период цивилизационных трансформаций.

4.1. Актуальные социокультурные практики XXI века.

В параграфе представлено обоснование необходимости рассмотрения благотворительности и волонтерства как важнейших ценностных императивов и ключевых социокультурных практик современности, актуальных для XXI века.

Автор придерживается прагматичной версии появления благотворительности как социокультурного феномена, выделенного общественным сознанием в качестве самостоятельной культурной практики. Событиями, актуализирующими благотворительность как особое социальное явление, стали Французская буржуазная революция и последующее реформаторство, связанное с введением капиталистических отношений. Принципиально важно то, что при капитализме исчезает фатальная зависимость человека от врожденного социального статуса. Богатство и бедность теперь не predeterminedены свыше, а социальное и экономическое положение человека во многом зависят от него самого. В XVIII и особенно в XIX веке лучшие умы Европы и Соединенных штатов Америки вырабатывали идеологию и создавали проекты «безграничного» обогащения.

Неравномерное распределение ресурсов в условиях «равенства» и «братства» требовало новых инструментов поддержания социального мира: одно дело, когда социальное неравенство predeterminedено Богом, и совсем другое – когда оно возникает как следствие человеческих отношений. Во втором случае факторы, сдерживающие бунт, значительно ослабевают. Важнейшим таким инструментом (и с точки зрения имиджа, и с точки зрения эффективности) стала благотворительность. Экономическая элита была просто вынуждена жертвовать часть своих доходов на медицину, образование, культуру, дополнительное питание и т. д. беднейших слоев населения. В данном контексте любая помощь бедным, снимавшая социальное напряжение, была объективно одобряемой и поощряемой элитами общества. Возникли предпосылки для наделения благотворительной деятельности и людей, ее осуществляющих, особым общественным статусом.

Волонтерство, рассматриваемое сегодня как инвариант благотворительности, изначально формировалось как явление, полностью

противоположное современному, и было связано с добровольным наймом в вооруженные силы. В параграфе прослеживается эволюция социокультурной практики волонтерства в Западной Европе, Северной Америке, России и ее терминологическое отражение. Дается обоснование противонаправленности вектора истории формирования волонтерства – истории формирования «общества потребления». Обосновываются причины неассимилируемости волонтерства доминирующей (потребительской) культурой.

Одним из основных выводов параграфа является заключение о том, что волонтерство во второй половине XX века становится важным самореализационным мотивом, актуализируемым не только внешним благополучием, общественной похвалой, но и внутренними потребностями личности. Современное волонтерство характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, оно преодолело рамки классической благотворительности. Сегодня созданы сотни новых направлений приложения волонтерских усилий, вплоть до привлечения волонтеров к обслуживанию Олимпийских игр, т. е. совершенно коммерческого мероприятия.

Во-вторых, оно оформило собственную инфраструктуру, построив ее по сетевому принципу, охватив своими организационными возможностями неограниченное количество стран.

В-третьих, оно сформировало собственную идеологию. Идеологию, в основе которой лежит концепция преобразования мира на основе социальной ответственности.

В-четвертых, оно осознало себя в качестве новой социальной силы, накопив опыт противодействия деструктивизму потребительства, четко провозгласило курс на дальнейшую экспансию во все жизненно важные сферы общественной жизни и хозяйства.

В-пятых, оно активно осваивает современные технологии самопродвижения: рекрутинга новых членов, проникновения в общественное сознание с использованием средств PR, социальной рекламы, образования и разного рода специальных проектов, пытаясь в лице своих элит осуществлять культурную политику.

Обоснована историческая роль волонтерства как нового социального концепта. Именно волонтерство, отказываясь от потребительской ориентации и являясь при этом самодостаточным явлением общественных отношений, демонстрирует возможность параллельного (но отнюдь не виртуального) образа жизни, разрушает миф о тотальности манипулятивных воздействий и их стопроцентной эффективности. Толерантность, внутренняя готовность отдавать, а не брать, демонстрация соответствующих поведенческих моделей в сочетании со здравым смыслом и общественным одобрением – путь к формированию новой социальной доктрины, новых сообществ и новой культуры, адекватной современным вызовам.

4.2. Условно-стандартная технология культурной политики в XXI веке.

Предлагаемая технология культурной политики строится по принципу иерархического сочетания трех функциональных блоков: концепция – программы – проекты.

Концепция – документ, в котором излагается идея культурной политики. Различные концепции могут отличаться по структуре и объему, однако их суть сводится к детальному обоснованию приоритетов культурной политики и через них – созданию образа новой, модернизируемой или воссоздаваемой культуры. Отсутствие такого образа делает невозможным завершение процесса в силу отсутствия представлений о должном (результате).

Программа – документ, в котором перечисляются основные направления и этапы реализации концепции. Программа позволяет охватить во взаимосвязи все события и линии работ (основные и вспомогательные), которые в совокупности должны привести к желаемому результату. По сути, программа – это набор проектных идей, выстроенных в логической последовательности.

Проект – это, во-первых, четкое описание (а в случае необходимости и моделирование, представление в образце) конкретного продукта, являющегося материальным воплощением конкретного положения программы. Во-вторых, это технология встраивания данного продукта в социокультурную реальность и, таким образом, изменение этой реальности.

Рассматриваемая условно-стандартная технология культурной политики принципиально применима к регионам любого типа и включает следующие направления деятельности:

1. Выявление, фиксация и описание уже бытующих в регионе (ареале влияния) культурных норм и ценностей.
2. Оценка оптимальности зафиксированных культурных норм и ценностей.
3. Характеристика выявленных культурных норм и ценностей с точки зрения их устойчивости, распространенности, интенсивности воспроизводства, преимущественных носителей.
4. Анализ процессов взаимовлияния культурных норм и ценностей.
5. Прогноз естественного развития социокультурной ситуации.
6. Формирование параметрически дифференцированного образа желаемого будущего, его материализация в описаниях, визуальных рядах, пространственно-временном позиционировании.
7. Конструирование и описание оптимальных для региона (ареала) новых культурных норм и ценностей.
8. Поиск естественных оснований для внедрения новых культурных норм и ценностей.

9. Выработка адекватных форм представленности – через предметные, событийные и поведенческие образцы – механизмов внедрения и трансляции новых культурных норм и ценностей.

10. Выработка механизмов поддержки (возможно – коррекции) оптимальных и устранения негативных бытующих культурных норм и ценностей.

11. Практические работы по устранению негативных, поддержке оптимальных и внедрению новых (положительных) культурных норм и ценностей. Изменение на этой основе жизнеустройства региона, образа жизни людей в соответствии с образом желаемого будущего.

Обоснована прагматичная цель обращения к культурному наследию как содержанию «памяти прошлого», предназначенного для программирования искусственного интеллекта, а также постановки генетических ограничений искусственному интеллекту на осуществление действий, квалифицируемых как преступления против человечности, путем их программируемого табуирования с использованием соответствующих примеров прошлого, маркируемых как «атавизм», «сбой программы» и т. п., описана технология работы с культурным наследием.

Обоснованы условия осуществления (направления) культурной политики:

Создание образов новой культуры как основы цивилизационного развития: форсайты; прогнозы, выполняемые по заказам государственных органов; ведомственные и межведомственные, а также региональные мозговые штурмы, проводимые в форме деловых игр; конкурсы идей, описаний, сценариев развития культуры, проводимые в форме школьных сочинений, развлекательных мероприятий, познавательных программ международного, национального и регионального уровней.

Создание транснациональных образовательных программ, предназначенных к использованию в различных национально-государственных образовательных системах с целью выработки сходного представления о судьбе человечества у представителей различных культур, снятия воспроизводимого отчуждения, выработки чувства причастности к общечеловеческим достижениям.

Кадровое обеспечение культурной политики, предполагающее расширение функциональности и повышение общественного статуса культурологического образования, его ориентацию на предуготовление попадающих в его орбиту субъектов к экспертной деятельности и миссии культурного политика. Специалист культуры должен уметь видеть себя в центре разнообразных культурных процессов, обладать качествами субъектности, позволяющими моделировать культуросообразное будущее.

Освоение современных технических средств коммуникации индивидуального пользования как перспективных персональных медиа при осуществлении культурной политики. Обосновано использование данных средств в качестве каналов трансляции норм и ценностей, определенных

культурным политиком, непосредственно к индивидууму, вне зависимости от региона нахождения и цивилизационной принадлежности. Сделан вывод о целесообразности разработки компьютерных программ, позволяющих осуществлять моделирование любых событий и процессов истории, настоящего или гипотетического будущего для виртуального включения в них человека и переживания заданных эмоций, формирования на этой основе личностного (чувственного) отношения к виртуально прожитому событию и выработки требуемого ценностного ряда.

Результативность культурной политики определяется по двум основным критериям. Первым критерием является стабильная воспроизводимость требуемых культурных норм и ценностей в границах обозначенного культурным политиком региона. Вторым – стремление личности волевыми усилиями воспроизводить принятые в обществе лучшие (эталонные) поведенческие и деятельностные модели. Принципиальным показателем эффективности культурной политики будет «стыкуемость» прошлого и будущего в мыследеятельностных практиках, возможность использования прошлого при планировании будущего, осознания текущей деятельности как создания наследия будущего (Э. А. Баллер).

Технологически культурная политика периода постпарадигмальности – это перепрограммирование самой культуры с учетом факторов ускорения исторического времени и роста социальной неопределенности. Усиление в ней ценностного начала, основанного, с одной стороны, на формировании личностного отношения к событиям прошлого, настоящего и будущего, а с другой – принуждении к исполнению целесообразных правил поведения и деятельности.

В **Заключении** обобщенно представлены выводы и результаты диссертационного исследования, показаны перспективы развития темы, ее преломление в конкретных исследовательских направлениях.

По теме диссертации соискателем опубликованы следующие работы:

1. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК МОиН РФ:

1. Синецкий, С. Б. Роль технических средств в реализации глобальной культурной политики XXI века [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестник КемГУКИ. – 2011 – № 17 (Ч. I). – С. 48-52.

2. Синецкий, С. Б. Культурная политика в системе средств организации постобщества [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 3 (27). – С. 35-37.

3. Синецкий, С. Б. Некоторые методологические основания культурной политики в XXI веке [Текст] / С. Б. Синецкий, В. С. Цукерман // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 36-39.

4. Синецкий, С.Б. Приоритеты культурной политики в XXI веке // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. 2011. - № 8. Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-8-2011/culture/sinetskiy.pdf> .

5. Синецкий, С. Б. Высшее профессиональное образование в сфере культуры как фактор культурной политики [Текст] / С. Б. Синецкий // Человек и образование. – 2011. – № 4. – С. 37-39.

6. Sinetskiy, S. B. Post-Modernism and Cultural Policy [Текст] / Sergey B. Sinetskiy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Sosial Sciences / 2008 (1). –№ 4. – С. 486-491.

7. Синецкий, С. Б. Волонтерские объединения граждан как социально-педагогическая система [формирование толерантности и гражданской ответственности как содержание культурной политики] [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, культурология. Вып. 3. – 2007. – № 16 (94). – С. 145-149.

8. Синецкий, С. Б. Межсекторная коммуникация [формирование взаимопонимания между различными слоями общества как условие эффективной культурной политики] [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 6. – 2006. – № 8 (63). – С. 165-168.

9. Синецкий, С. Б. Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы [актуальная социокультурная практика XXI века] [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 7 – 2006. – № 17 (72). – С. 104-107.

2. Монографии:

10. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего [Текст]: моногр. / С. Б. Синецкий. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 288 с.

11. Синецкий, С. Б. Волонтерство в контексте культурной политики современной России: моногр. [Текст] / С. Б. Синецкий. – Челябинск : ЧГАКИ, 2006. – 136 с.

3. Главы в коллективных монографиях:

12. Синецкий, С. Б. Регион как субъект и объект культурной политики [Текст] / С. Б. Синецкий // Социокультурный потенциал Южного Урала: вызовы времени и ориентиры культурной политики : коллективная моногр. / науч. ред. В. С. Цукерман ; Энциклопедия. – Челябинск, 2011. – С. 7-73.

13. Синецкий, С. Б. Социопроектные основы культурной политики [Текст] / С. Б. Синецкий // Социально-культурная деятельность: теория, технология, практика : коллективная моногр. / ред.-сост. Л. Е. Осипова ; науч. ред. В. Я. Рушанин ; Челяб. гос. академия культуры и искусств. – Челябинск, 2005. – Ч. I. – С. 81-90.

14. Синецкий, С. Б. Перспективы развития художественного образования в контексте реализации культурной политики будущего [Текст] /

С. Б. Синецкий // Гуманитарные аспекты художественного образования в контексте современной художественной культуры: коллективная монограф. / ред.-сост. Г. Е. Гун, И. Л. Пивоварова; Магнитогорская госуд. консерватория. – Магнитогорск, 2012. – С. 63-81.

4. Программные и учебно-методические разработки:

15. Концепция молодежной политики г. Челябинска «Молодежь Челябинска в III тысячелетии» [Текст] / С. Б. Синецкий, Ю. Б. Тарасова, В. А. Баскаков и др. // Молодежь Челябинска–2003: сб. нормативных и информационных материалов / Администрация г. Челябинска. Управление по делам молодежи. – Челябинск, 2002. – С. 3-15.

16. Синецкий, С. Б. Гражданские инициативы – устойчивому развитию [Текст]. – Челябинск : ЧООО «Женская сеть на Урале», 2002. – 69 с.

17. Синецкий, С. Б. Концепция социально-культурной политики города Челябинска [Текст] / С. Б. Синецкий, С. Г. Боталов, М. Л. Львова. – Челябинск : Челяб. гор. Дума ; Челяб. гор. администрация, 1998. – 41 с.

18. Материалы к формированию концепции развития культуры Челябинской области [Текст] / М. Я. Соболев, В. А. Баскаков, С. С. Соколов, С. Б. Синецкий // Ориентиры культурной политики. – Вып. 1. Концептуальные основы разработки региональных программ и проектов сохранения и развития культуры (на материалах Челяб. обл.). – Челябинск : ГУКИ, 1996. – С. 21-36.

19. Синецкий, С. Б. Культурная политика современной России. Основы социального проектирования в сфере культуры [Текст] / С. Б. Синецкий. – Челябинск : Обл. учебно-образовательный центр ГУКИ ; ЧГИИК, 1995. – 40 с.

20. Синецкий, С. Б. Совершенствование системы управления [Текст] / С. Б. Синецкий // Материалы программы развития культуры Челяб. обл. – Челябинск : Обл. учебно-образоват. инновац. центр ГУКИ, 1994. – С. 56-61.

21. Синецкий, С. Б. Основные направления перестройки деятельности клубных учреждений и создание новых моделей (программно-реализационный аспект) [Текст] / С. Б. Синецкий // Материалы программы развития культуры Челябинской области. – Челябинск : Обл. учебно-образоват. инновац. центр ГУКИ, 1994. – С. 17-25.

5. Статьи в сборниках научных трудов; статьи и тезисы докладов на научных конференциях:

22. Синецкий, С. Б. Инновационный потенциал Челябинской области как имиджобразующий фактор [Текст] / С. Б. Синецкий // Вопросы организации системной работы по выявлению, развитию и поддержке интеллектуально и творчески одаренных учащихся : сб. ст. / под ред. О. М. Исаевой. – Челябинск, 2011. – С. 7-16.

23. Синецкий, С. Б. Культурная политика в ситуации цивилизационного перехода: новое основание для регионализации [Текст] /

С. Б. Синецкий // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл. ; Обществ. палата Челяб. обл. ; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина». – Челябинск, 2011. – С. 153-156.

24. Синецкий, С. Б. Предпринимательство как глобальный культурный тренд [Текст] / С. Б. Синецкий // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования [Электронный ресурс]: материалы XIII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (Екатеринбург, 18-19 марта 2010 г.): в 4 ч. / [редкол.: Е. В. Грунт, Г. Б. Кораблева, Н. А. Комлева, А. В. Меренков]; Федер. агентство по образованию Рос. Федерации ; Рос. о-во социологов ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Фак. политологии и психологии. – Электрон. дан. – Екатеринбург, 2010. – Ч. 2. – 1 электрон. опт. диск. – С. 183-188.

25. Синецкий, С. Б. Региональная элита как ключевой объект межрегиональной конкурентной борьбы [Текст] / С. Б. Синецкий // Социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл. ; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина». – Челябинск, 2010. – С. 171-178.

26. Синецкий, С. Б. Местное сообщество как основной ресурс территории [Текст] / Синецкий С. Б. // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития : сб. науч. ст. / Рос. ин-т культурологии ; [под ред. Ю. М. Резника, Н. И. Мироновой]. – М., 2010. – С. 119-126.

27. Синецкий, С. Б. Связи с общественностью: генетический тренд на рубеже веков [характеристика культурных изменений рубежа веков] [Текст] / С. Б. Синецкий // Методол. и методические аспекты PR-деятельности : в 2 ч. – Ч. 1. Философия и методология связей с общественностью / под ред. С. Б. Синецкого ; НОУ Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина. – Челябинск, 2009. – С. 67-84.

28. Синецкий, С. Б. Проблематика знаниевой культуры «пост»-общества и перспективы социологии [Текст] / С. Б. Синецкий // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XII междунар. конф. : в 2 ч. / УрГУ ; редкол. : Е. В. Грунт, Н. А. Комлева, Г. Б. Кораблев и др. – Екатеринбург, 2009. – Ч. 1. – С. 21-24.

29. Синецкий, С. Б. Представления о едином социокультурном пространстве в контексте будущего культуры [Текст] / С. Б. Синецкий // Единое социокультурное пространство: теорет. и управленческо-технолог. проблемы : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Челяб. гос. академия культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – С. 19-24.

30. Синецкий, С. Б. Концепция формирования образа индустриального региона средствами культурной политики (на примере г. Челябинска и Челябинской области) [Текст] / С. Б. Синецкий // Социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл. ; Обществ. палата Челяб. обл. ; Челяб. ин-т экономики и права

им. М. В. Ладощина ; [редкол. : С. Г. Зырянов, Г. И. Ладощина, А. Н. Лымарь, С. Б. Синецкий]. – Челябинск, 2009. – С. 243-250.

31. Синецкий, С. Б. Общественность региона как фактор реальной политики [Текст] / С. Б. Синецкий // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития региона : сб. науч. тр. : в 2 ч. – Ч. 2. Социокультурное и коммуникативное пространство региона / под ред. В. Н. Ни ; НОУ ЧИЭП им. М. В. Ладощина. – Челябинск, 2008. – С. 281-294.

32. Синецкий, С. Б. «Образ» как отражение и формирующее начало сущности социального объекта [Текст] / С. Б. Синецкий // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. : в 2 ч. – Ч. 2. Социокультурное и коммуникативное пространство региона / под ред. В. Н. Ни ; НОУ ЧИЭП им. М. В. Ладощина. – Челябинск, 2008. – С. 339-350.

33. Синецкий, С. Б. Социальное предпринимательство как новый смысло-жизненный концепт [Текст] / С. Б. Синецкий // Социально-экономические аспекты развития предпринимательства: история, современность, будущее : материалы VII межвуз. науч.-практ. конф. / Челяб. ин-т (фил.) ГОУ ВПО «РГТЭУ» ; отв. ред. С. М. Ткачев, С. П. Решикова. – Челябинск, 2007. – С. 110-112.

34. Синецкий, С. Б. Современная проблематика социального партнерства [Текст] / С. Б. Синецкий // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы науч. конф. памяти Л. Н. Когана : в 2 ч. / УрГУ. – Екатеринбург, 2007. – Ч. 2. – С. 82-84.

35. Синецкий, С. Б. Типы регионов и процессы регионализации / С. Б. Синецкий [региональные особенности культурной политики] [Текст] // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития региона : сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Ни ; НОУ ЧИЭП им. М. В. Ладощина. – Челябинск, 2007. – С. 216-225.

36. Синецкий, С. Б. Электоральное самоопределение и политический процесс [Текст] / С. Б. Синецкий // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования / УрГУ. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 2. – С. 120-122.

37. Синецкий, С. Б. Профессиональная активность: методология мотивации и пути формирования [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестник № 6 : сб. науч. ст. (НОУ ЧИЭП им. М. В. Ладощина) / под ред. В. Н. Ни. – Челябинск, 2006. – С. 74-91.

38. Синецкий, С. Б. Эволюция содержания и объектной ориентированности категории «предпринимательство» [Текст] / С. Б. Синецкий // Социально-экономические аспекты развития предпринимательства: история, современность, будущее : материалы VI межвуз. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию ЧИ(ф) ГОУ ВПО «РГТЭУ» / Челяб. ин-т (фил.) ГОУ ВПО «РГТЭУ» ; отв. ред. С. М. Ткачев, С. П. Решикова. – Челябинск, 2006. – С. 212-214.

39. Синецкий, С. Б. Культура как объективная реальность или управляемый процесс [Текст] / С. Б. Синецкий, А. А. Чернышова // Современные гуманитарные исслед. – М., 2005. – Вып. № 2 (3). – С. 259-265.
40. Синецкий, С. Б. Специалисты высокой квалификации: отношение к добровольному труду и готовность к собственной добровольческой деятельности [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. Сер. 3. Культуролог. науки. – 2003. – № 3. – С. 61-69.
41. Синецкий, С. Б. Российские волонтеры: черты социального портрета (Ч. II) [Текст] / С. Б. Синецкий // Благотворительность в России. Социальные и истор. исслед. – СПб., 2003. – С. 551-586.
42. Синецкий, С. Б. Еще раз о социальном партнерстве [Текст] / С. Б. Синецкий // Гражданский диалог. – 2003. – № 3. – С. 2.
43. Синецкий, С. Б. О социальном партнерстве [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. – 2003. – № 5. – С. 115-117.
44. Синецкий, С. Б. Дискомфорт роста [характеристика ценностно-нормативных оснований современных общественных объединений] [Текст] / С. Б. Синецкий // Гражданский диалог. – 2003. – № 5. – С. 6.
45. Синецкий, С. Б. Новый взгляд на чужой успех [Текст] / С. Б. Синецкий // Гражданский диалог. – 2003. – № 6. – С. 6.
46. Синецкий, С. Б. Методологические аспекты культурной политики России в постсоветский период [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестн. Челяб. ин-та экономики и права. – 2002. – Вып. 2. – С. 166-183.
47. Синецкий, С. Б. Досуг и общественная деятельность: Социально-психологические характеристики российских волонтеров [Текст] / С. Б. Синецкий // Культура на пороге третьего тысячелетия в свете культурологического знания: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 28 нояб. 2000 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2001. – С. 71-77.
48. Синецкий, С. Б. Российские волонтеры: черты социального портрета [Текст] / С. Б. Синецкий // Благотворительность в России. Социальные и истор. исслед. – СПб., 2001. – С. 646-654.
49. Синецкий, С. Б. Волонтерство как социально-культурный феномен [Текст] / С. Б. Синецкий // Возрождение России: общество – образование – культура – молодежь. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 3. – С. 58-60.
50. Синецкий, С. Б. Странные люди в странное время или активисты третьего сектора – кто они? [Текст] / С. Б. Синецкий, М. Л. Львова // Вестн. Благотворительности – 2000. – № 1-2 (43-44). – С. 8-10.
51. Синецкий, С. Б. Пространство – Мегалополис. Волонтеры глазами «нормальных» людей [Текст] / С. Б. Синецкий, М. Л. Львова // Вестн. Благотворительности. – 2000. – № 3 (45). – С. 8-10.
52. Синецкий, С. Б. Добровольческие ресурсы города Челябинска [Текст] / С. Б. Синецкий // Особенности развития социального партнерства в индустриальном регионе России (на примере Челяб. обл.). – Златоуст, 2000. – С. 47-55.

53. Синецкий, С. Б. Невидимый ресурс социальной политики [Текст] / С. Б. Синецкий, М. Л. Львова // Уржумка : науч. журн. – 1999. – № 1. – С. 95-101.

54. Синецкий, С. Б. О предмете и объекте культурной политики [Текст] / С. Б. Синецкий // Культура, искусство, образование : науч.-практ. конф. : тез. докл. : в 2 ч. / Челяб. гос. ин-т искусства и культуры. – Челябинск, 1997. – Ч. I. – С. 12-13.

55. Синецкий, С. Б. Регион в контексте культуры [Текст] / С. Б. Синецкий // Уржумка : науч. журн. – 1997. – № 1. – С. 47-49.

56. Синецкий, С. Б. Региональная культурная политика: сущность и эффективность [Текст] / С. Б. Синецкий // Мир культуры: человек, наука, искусство : тез. докл. Междунар. науч. конф. ученых, аспирантов, студ. (г. Самара, 21-24 мая 1996 г.) / М-во культуры РФ ; Самарский гос. ин-т искусства и культуры. – Самара, 1996. – С. 71-72.

57. Синецкий, С. Б. Культура промышленного Урала: наследие и перспективы [Текст] / С. Б. Синецкий, В. А. Баскаков // Ориентиры культурной политики. – Вып. 1. Концептуальные основы разработки региональных программ и проектов сохранения и развития культуры (на материалах Челяб. обл.). – Челябинск, 1996. – С. 6-20.

58. Синецкий, С. Б. Культура России как объект проектирования [Текст] / С. Б. Синецкий // Культура на пороге III тысячелетия : тез. докл. II Междунар. семинара (СПб, 19-21 июня 1995 г.). – СПб., 1995. – С. 91-92.

59. Синецкий, С. Б. Технологические аспекты детской досуговой политики [Текст] / С. Б. Синецкий // Дети и подростки вне школы: проблемы и перспективы / Челяб. гос. ин-т искусства и культуры. – Челябинск, 1992. – С. 92-103.

60. Синецкий, С. Б. Взаимодействие клубных учреждений и любительских объединений: от концепции к технологии [Текст] / С. Б. Синецкий // Культурно-досуговая деятельность: методология и методика / Челяб. гос. ин-т искусства и культуры. – Челябинск, 1993. – С. 150-169.

61. Синецкий, С. Б. Сфера культуры: проблемы управления (методологический аспект) [Текст] / С. Б. Синецкий // Город и культура / Челяб. гос. ин-т искусства и культуры. – Челябинск, 1993. – С. 30-43.

СИНЕЦКИЙ Сергей Борисович

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА XXI ВЕКА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Формат 60x84 1/16

Объем 2,65 п.л.

Заказ №1256

Тираж 100 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ. Ризограф